

Часть 1.

Кронштадт

(1921г.)

- Глава I. Географическое положение
- Глава II. Кронштадт до Революции
- Глава III. Кронштадт — авангард Революции. Его борьба. Его конструктивная деятельность и влияние
- Глава IV. Кронштадт против большевиков (март 1921г.)
- Глава V. Последний акт
- Примечания

Глава I. Географическое положение

За рубежом ходило и ходит до сих пор немало легенд о роли Кронштадта в русской Революции. Но правда о нем по-прежнему покрыта мраком.

Прежде всего, что из себя представляет Кронштадт?

Кронштадт — это крепость, военно-морская база или, скорее, укрепленный город, построенный два века назад на острове Котлин в тридцати километрах к западу от Санкт-Петербурга, в глубине Финского залива. Он защищает подступы к столице со стороны Балтийского моря. И одновременно является крупнейшей базой русского флота на Балтике.

Зимой Финский залив замерзает. В течение пяти месяцев, с ноября по апрель, связь Кронштадта со столицей обеспечивается дорогой, проложенной по льду залива.

Остров Котлин — узкий, вытянутый, с неправильными очертаниями — составляет в длину 12 километров. Его максимальная ширина около 3 километров. Берега его труднодоступны и, кроме того, хорошо обороняются.

Примерно треть острова занимает город, порты и доки. Северная, западная и южная часть усеяна фортами и бастионами. Во время Революции 1917 года территория между гордом и берегами была почти пустынна.

С севера и юга остров окружен многочисленными фортами и батареями, уходящими далеко в море.

В двадцати километрах южнее острова, на мысе находится стратегически важный форт Красная Горка; на побережье к северу от острова, примерно в 10 километрах, расположены укрепления «Лисий Нос».

Наиболее примечательным местом в городе является Якорная площадь. Она может вместить до 30 тысяч человек и ранее служила местом обучения новобранцев и военных парадов. Во время Революции она превратилась в настоящий народный форум. По малейшему сигналу тревоги матросы, солдаты и рабочие собирались на массовые митинги.

Зимой ту же роль выполнял огромный «морской манеж».

В городе проживали экипажи Балтийского флота, размещенные в больших казармах; солдаты гарнизона, главным образом, артиллеристы; несколько тысяч рабочих, занятых в основном на военных арсеналах; наконец, многочисленные офицеры, чиновники, торговцы,

ремесленники, служащие и т. д. Всего около 50 тысяч жителей.

Глава II. Кронштадт до Революции

Читатель мог видеть, что мы отметили решающий вклад Кронштадтских матросов в революционные события.

Действительно, Балтийский флот и гарнизон Кронштадта сыграли в Революции важную роль.

Этому способствовал ряд причин.

Прежде всего, во все времена матросов набирали среди рабочих. Разумеется, самых квалифицированных, образованных, «смышленных». А в политическом плане такие рабочие являлись наиболее передовыми. Часто до службы на флоте они уже были революционерами. Естественно, несмотря на дисциплину и наблюдение, они оказывали сильное влияние на своих товарищей по экипажу.

С другой стороны, посещая в ходе своей службы зарубежные страны, матросы прекрасно видели различия между относительно свободными режимами и царской Россией. Они легче других воспринимали идеи и программы политических партий. Многие из них поддерживали отношения с революционной эмиграцией и читали запрещенную, нелегальную литературу.

Добавим, что просвещению кронштадцев во многом способствовала близость к столице, живущей насыщенной политической и интеллектуальной жизнью. Они находились в эпицентре всех важнейших событий. Именно в Санкт-Петербурге ключом была политическая жизнь. Именно в Санкт-Петербурге происходили массовые рабочие волнения. Именно там собиралось многочисленное и беспокойное студенчество. Бурная активность революционных групп, все более частые и массовые волнения и манифестации, стычки, которыми они порой заканчивались — все это вызывало у жителей Кронштадта живой интерес к событиям в стране, политическим и социальным проблемам эпохи, побуждало их поддерживать стремления и борьбу народных масс.

Санкт-Петербург постоянно держал Кронштадт в напряжении, временами лихорадочном.

Уже в 1905–1906 и 1910 гг. кронштадтские матросы поднимали серьезные волнения, сурово подавленные. Но это не поколебало их боевого духа.

Наконец, в самом начале Революции 1917 года крайние течения — большевики, левые эсеры, максималисты, синдикалисты, анархисты — создали в Кронштадте активные и хорошо организованные группы. Их деятельность вскоре оказала значительное влияние на

массы матросов.

В результате Кронштадт стал в авангарде Революции 1917 года.

Кронштадтская «фаланга» шла во главе революционного народа. По своей энергии, по уровню сознательности она была «гордостью и славой русской Революции», как позднее сказал Троцкий, когда она помогла ему взять власть. Что не помешало ему повернуть орудия против этой «славы», ставшей «контрреволюционным сбродом», как только она выступила против злоупотреблений и лжи партии большевиков.

Глава III. Кронштадт — авангард Революции. Его борьба. Его конструктивная деятельность и влияние

Начиная с февраля 1917 г. и все время Революции кронштадтцы бросались на самые трудные участки. Они не ограничивались энергичной деятельностью в своем городе. Исполненные революционного энтузиазма и боевого пыла, сильные и отважные, сознающие свое значение, они не колеблясь отдавали Революции все, что могли, все, в чем она нуждалась: свою пламенную веру, силу и сознательность, преданных бойцов, готовых пожертвовать своей жизнью, народных агитаторов и пропагандистов, распространителей революционной литературы, различных технических специалистов и, главное, воинов, которым не было равных в бою.

Совершенно естественно, что в феврале 1917 г. Кронштадт сразу же стал на сторону Революции.

Восстав и захватив город, матросам пришлось взяться за тягостное дело, которое они, однако, считали необходимым: в ночь с 27 на 28 февраля были арестованы и немедленно расстреляны 200 высших офицеров, известных своей яркой реакционностью. Так матросы утолили свою горечь и злость, накопленные за долгие годы. Действительно, среди расстрелянных были те, кто в 1910 г., во время **попытки мятежа приказал расстрелять несколько сотен матросов и затопить у форта Тотлебен суда, полные арестованных моряков.**

Эти 200 офицеров стали единственными жертвами революционных событий[4].

Отметим, что одновременно матросы защищали не только тех офицеров, которых уважали и любили, но и всех, кто не принимал участия в жестоких репрессиях. Повсюду группы матросов искали своих командиров, исчезнувших в вихре событий. Обнаружив их арестованными другими экипажами, они добивались их освобождения и возвращали на свои корабли или в казармы, где те оказывались в безопасности.

Матросы быстро организовали первый кронштадтский Совет. Будучи весьма умеренным (большинство его членов составляли правые эсеры и меньшевики), под давлением революционных масс этот Совет, тем не менее, вскоре вступил в острый конфликт с Временным правительством. Непосредственный повод разногласий был незначительным. Но суть их являлась весьма серьезной, и массы это хорошо понимали. Правительство не желало терпеть ни независимого духа, ни бурной активности кронштадтцев. Оно стремилось любой ценой сломить одних, лишить возможности действовать других, короче, избавиться от возмутителей спокойствия и полностью подчинить себе город.

Первые конфликты были улажены полюбовно. После многочисленных митингов и совещаний Кронштадт счел благоразумным пойти на временные уступки.

Однако, недовольные мягкостью Совета, жители Кронштадта — первыми в стране — решили переизбрать своих делегатов.

Тем временем не замедлили разразиться новые конфликты с Временным правительством. Не раз чаша терпения кронштадтцев казалась переполненной, и они готовы были восстать против властей. Лишь убежденность в том, что страна не поймет таких преждевременных действий, останавливала матросов.

Именно в этот момент стали распространяться вымыслы и клевета в отношении Кронштадта, активно тиражируемые российской и зарубежной буржуазной печатью. «Кронштадт отделился от России и провозгласил себя независимой республикой». «Кронштадт печатает свои деньги». «Кронштадт готовится вступить в мирные переговоры с врагами отечества». «Кронштадт в ближайшее время заключит сепаратный мир с немцами»[5]. Вот лишь некоторые из подобных небылиц. Целью их являлась дискредитация Кронштадта в общественном мнении страны, после чего мятежную крепость без труда можно было бы подавить.

Известно, что первому Временному правительству не хватило времени на осуществление этого проекта. Оно пало, сметенное всеобщим недовольством.

Кронштадт еще более возвысился в глазах народных масс.

Второй кронштадтский Совет был гораздо левее первого. В него входило значительное число большевиков, несколько максималистов и анархистов[6].

Однако деятельность Совета и неизбежные столкновения между его фракциями значили мало по сравнению с огромной работой, происходившей *в самих массах*, на кораблях, в казармах, в цехах.

Митинги на Якорной площади следовали один за другим. Там с различных точек зрения ставились и обсуждались все проблемы Революции.

Народ жил насыщенной, исполненной подъема жизнью.

Так Кронштадт учился и готовился к активнейшей роли, которую ему предстояло сыграть на всех этапах Революции в различных уголках России.

Поначалу поддерживавшие Керенского матросы быстро в нем разобрались.

Уже через две недели после пресловутого неудачного наступления 18 июня Кронштадт решительно осудил действия правительства. Тем более что в это же время Керенский, узнав о враждебных настроениях Кронштадта, начал арестовывать активистов-матросов, которые прибывали в Петроград, и намечал другие репрессивные меры. Волнения и перестрелки в Петрограде, когда революционно настроенный полк пулеметчиков с оружием в руках воспротивился отправке на фронт и был расстрелян верными правительству войсками, подлили масло в огонь.

Именно тогда, 4 июля 1917 г., 12 тысяч кронштадтских матросов, солдат, рабочих и работниц прибыли в Петроград с красными и черными знаменами и транспарантами, гласившими: «Вся власть местным Советам!» Манифестанты направились к Таврическому дворцу, где все фракции, включая большевиков, обсуждали сложившуюся политическую ситуацию. Кронштадтцы собирались вовлечь в свою акцию массы и гарнизон столицы, продолжить борьбу вплоть до свержения Временного правительства и замены его правительством «Советов».

Тогда за ними не последовали. Потеряв несколько товарищей в уличных стычках с правительственными войсками, кронштадтцы осознали неудачу своего выступления и возвратились на остров. Новая Революция еще не созрела.

Правительство, со своей стороны, не осмелилось принять жестких мер против манифестантов. Оно не чувствовало себя достаточно сильным для этого. После трудных переговоров с Кронштадтом, одновременно с которыми обе стороны готовились к беспощадной борьбе (Кронштадт формировал батальоны для наступления на Петроград), удалось прийти к согласию, и спокойствие было восстановлено.

Небесполезно напомнить о некоторых особенностях этого неудавшегося «бунта».

Решающую роль в нем сыграли большевики. Массы выступали в основном под их лозунгами. В самом Кронштадте именно представители большевиков являлись главными организаторами акции. Матросы спросили их: «Что делать, если партия нас не поддержит?» Те ответили: «Мы вынудим ее действовать». Но Центральный Комитет не принял никакого решения (предпочел воздержаться), а некоторые видные большевики по договоренности с другими фракциями участвовали в акции «как частные лица». Ленин ограничился тем, что произнес с балкона ободряющую речь и удалился. Троцкий и другие вожди воздержались от всякого вмешательства и тоже попрытались. *Это было не их движение. Они им не руководили. Так что оно их не интересовало. Они ждали своего часа.*

Любопытная подробность: некоторые большевики, водрузив на броневик большое красное знамя с надписью «ЦК ВКП(б)», захотели возглавить манифестацию. Матросы заявили им, что организатор акции — не большевистская партия, а Кронштадтский Совет, и вынудили их пристроиться сзади.

Анархисты, уже тогда достаточно активные в Кронштадте, приняли участие в манифестации и потеряли в схватках несколько своих товарищей.

По существу это было массовое, многотысячное движение[7].

Другой любопытный факт: после июльских дней буржуазная печать возобновила клевету против Кронштадта, утверждая, что бунт был организован «на немецкие деньги» («уточнялось», что каждый матрос получил по 25 рублей золотом), говоря об «измене» и пр. К этому хору присоединилась и социалистическая пресса, заявлявшая, что движение было делом рук «подозрительных элементов». Разве не говорилось в свое время, что «социализм — лучший жандарм буржуазии»?

Эти события позволили Керенскому грозить Кронштадту суровыми репрессиями. Но, как мы видели, перейти от слов к делу он не осмелился.

Кронштадт, впрочем, не давал себя запугать. Там все более сознавали, что находятся на верном пути. И что близок день, когда широкие массы поймут: вера, сила и цели кронштадцев — это их вера, сила и цели.

И Кронштадт развернул необычайно активную, лихорадочную деятельность.

Вначале он стал посылать группы народных агитаторов и пропагандистов — своего рода революционных эмиссаров — во все уголки страны.

Из лозунгом была «вся власть местным Советам!»

В провинции посланцев арестовывали десятками. В ответ Кронштадт посылал новые группы.

Вскоре его усилия увенчались успехом. Матросы Черноморского флота, до той поры поддерживавшие Керенского, поставили под сомнение «информацию из надежного источника» о «контрреволюционной роли Кронштадта». Чтобы разобраться, они послали на остров делегацию. С почетом принятые Советом, делегаты близко познакомились с кронштадтцами, поняли их и увидели, что пресса и власть лгут.

С этого момента между двумя флотами установились тесные связи.

Несколько воинских подразделений с фронта также отправили в Кронштадт делегатов, призванных выяснить настроения матросов и попытаться урезонить их — до такой степени клевете удалось подорвать репутацию кронштадтцев.

Одна из этих делегаций, многочисленные члены которой готовы были в случае необходимости прибегнуть к насилию, представляла собой настоящий воинский десант. Она прибыла в Кронштадт на боевых кораблях (экипированных даже пушками и пулеметами), готовая к любому повороту событий. Делегаты не рискнули причалить, так как газетные публикации и слухи позволяли ожидать, что ее может встретить интенсивный огонь защитников «независимой республики Кронштадт», продавшей себя Германии.

Бросили якорь на некотором расстоянии от острова и отправили в город шлюпки с «уполномоченными». Высадившись на берег, те осторожно направились в сторону города, подобно разведчикам на вражеской территории.

Все, как и обычно, завершилось торжественным приемом в Совете и жаркими, но дружескими спорами. Матросы посетили «десантные» корабли, которые причалили в порту. Гости, со своей стороны, осмотрели линкоры и крейсера. Вечером после обильного ужина и под звуки музыки делегация отправилась обратно на фронт с криками: «Вся власть местным Советам!»

Зачастую делегаты предлагали матросам заменить на фронте их усталые полки. На что кронштадтцы неизменно отвечали: «Пока земля не принадлежит крестьянам и Революция не победила окончательно, трудящимся защищать нечего».

Когда накануне похода генерала Корнилова на Петроград реакция, стремившаяся овладеть ситуацией, насаждала в армии дисциплину, вводила на фронте смертную казнь и пыталась разогнать солдатские комитеты, Кронштадт вновь стал готовиться к вооруженному восстанию.

В это же время под предлогом укрепления Рижского фронта правительство Керенского решило изъять у Кронштадта и его фортов все тяжелые орудия. Это переполнило чашу терпения матросов. Они прекрасно понимали, что их артиллерия не окажет никакого влияния на ход боевых действий. Более того, им было известно, что немецкий флот собирается напасть на Кронштадт. Они готовились преградить ему путь, а это невозможно без артиллерии. Не допуская, что правительство может пребывать в неведении, они увидели в намерении разоружить Кронштадт накануне боевых действий на море прямую измену. И окончательно убедились, что правительство Керенского решило задушить Революцию любыми средствами, не исключая сдачу немцам Кронштадта и Петрограда.

Кронштадт не колебался. На кораблях и в экипажах, в фортах и цехах тайные собрания приступили к разработке плана сопротивления. Каждый день десятки матросов отправлялись в Петроград, где, выступая на заводах, верфях и в казармах, открыто призывали к восстанию.

Столкнувшись с подобной решимостью, правительство отступило. Стороны пришли к компромиссу: на фронт отправился лишь небольшой отряд матросов. По существу, кронштадтцы от такого решения только выиграли. Действительно, единственное место, куда им до сих пор не удавалось проникнуть благодаря бдительности офицерских комитетов, был именно фронт. Теперь представился случай занести туда так называемую «кронштадтскую заразу».

После «путча» генерала Корнилова в августе 1917 г., о котором мы говорили выше и в подавлении которого особо отличились кронштадтские матросы, остатки недоверия, которое еще питали к ним народные массы, рассеялись. Популярность Керенского падала с каждым днем. Повсюду начинали понимать, что Кронштадт был прав, не доверяя правительству, разоблачая происки реакции и препятствуя ей.

Кронштадт одержал полную моральную победу.

Начиная с этого времени на остров начали прибывать многочисленные рабочие и крестьянские делегации. Люди пытались понять происходящее, спрашивали советов и указаний на будущее. Народ все больше признавал революционную роль Кронштадта.

Поначалу все делегаты просили матросов послать в свои края пропагандистов и революционную литературу. Кронштадту только это и надо было. Можно без преувеличения сказать, что вскоре не осталось ни одной области, ни одного уезда, где бы не провели несколько дней кронштадтские посланцы, советовавшие решительно захватывать землю, не подчиняться правительству, переизбирать и укреплять Советы, бороться за мир и продолжение революции.

Как раз тогда правые эсеры и меньшевики были вынуждены покинуть Советы и уступить в них место большевикам. В это же время лихорадочно ковались основные действующие силы грядущей Революции.

Ленин был в курсе дел и готовил наступление «своего часа».

Таким образом, неутомимая деятельность кронштадтцев вдохнула революционный дух в рабочие, крестьянские и солдатские организации.

Отметим, что кронштадтцы решительно выступали против любой неорганизованности, любых действий, продиктованных личной ненавистью и отчаянием.

И добавим, что в то же время Балтийский флот вел ожесточенную борьбу против германской эскадры, защищая подступы к Петрограду во имя рождавшейся Революции.

Читателю уже известно, какую роль сыграл Кронштадт в борьбе против генерала Корнилова и в Октябрьской революции.

Повсюду, где Революция сражалась против старого порядка, в рядах ее бойцов были кронштадтцы.

В заключение главы, посвященной добольшеvistскому периоду, нам остается рассказать читателю об огромной *конструктивной* работе, которую Кронштадт проводил, несмотря на необходимость участия в вооруженной борьбе и выполнения других задач.

Кронштадтский Совет создал две важные организации — «Техническую и военную комиссию» и «Комиссию по пропаганде».

В *Техническую и военную комиссию* входили: 14 членов Совета, несколько делегатов от «Союза рабочих морского транспорта» и представители военных кораблей и форт.

Кроме того, в основных фортах избирали специальных комиссаров. Они должны были обеспечивать непрерывную связь между фортами, а также следить за состоянием укреплений, вооружением и пр.

Комиссия ведала всем, что имело отношение к обороне Кронштадта и его техническим потребностям. В числе прочего, она была призвана осуществить принцип всеобщего вооружения трудового народа: занималась военным обучением рабочих; формировала из них батальоны; вела ежедневный учет всех боевых единиц и т. д. Также она следила за состоянием торговых, грузовых и пассажирских кораблей: проводила их инвентаризацию; руководила ремонтными работами; находила применение железному лому, которым был заполнен огромный склад боеприпасов.

Комиссии по пропаганде уделялось в Кронштадте огромное значение. Она развила мощную просветительскую активность не только в самом городе, но и более менее отдаленных местах, и круг ее деятельности постепенно охватывал всю страну. Каждый день с фортов, находившихся порой в трех десятках километрах от острова, из пригородов Петрограда поступали просьбы прислать ораторов, докладчиков, ведущих собраний, пропагандистов.

Комиссия собирала и распространяла всякого рода литературу: политическую, социальную (социалистическую, коммунистическую, анархистскую) и научно-популярную, касающуюся в основном вопросов экономики, сельского хозяйства и пр.

Каждый солдат был призван за свой счет собрать библиотечку, которую сначала изучал сам, а затем должен был увезти «к себе» — в свой край, свою деревню.

Методы отбора и отправки пропагандистов заслуживают особого внимания.

Всякий цех, боевая единица, корабль мог послать в провинцию одного народного пропагандиста. Тот, кто хотел поехать, должен был объявить об этом на общем собрании своей части или цеха. Если не было замечаний, матросский или цеховой комитет давал кандидату рекомендацию, которая затем визировалась Комиссией по пропаганде и передавалась в секретариат Совета. Если на общем собрании Совета кандидатуру поддерживали те, кто лично знал кандидата, и никто не возражал против нее по соображениям революционного или морального порядка, Совет давал формальный и окончательный мандат, который должен был оберегать пропагандиста от всякого рода неприятностей, служил ему пропуском.

Денежные средства на такие командировки выделялись из кассы Совета, формировавшейся за счет добровольных взносов рабочих.

Почти всегда пропагандист вез с собой предметы, специально изготовленные рабочими в качестве подарков крестьянам.

Это производство заслуживает отдельного упоминания.

Кронштадтские рабочие, главным образом те, кто происходил из крестьян, образовали цех, где работали в свободные часы, изготавливая необходимые в деревне вещи: ключи, подковы, косы, плуги и т. д. Им помогали умелые солдаты и матросы.

Производство получило название «Союз трудящихся Кронштадта». На каждом изготовленном предмете ставилась марка Союза. Список изделий периодически

публиковался в «Известиях» Кронштадтского Совета.

Союз попросил всех жителей города собирать для него ненужный железный лом. Металл предоставила и Техническая комиссия.

Посланцы Кронштадта никогда не забывали взять с собой эти изделия, чтобы раздавать их крестьянам при посредстве местных Советов. Крестьяне засыпали кронштадтский Совет выражениями горячей признательности и, в свою очередь, обещали поддержать «город» в борьбе «за хлеб и волю».

Необходимо отметить еще одно предприятие кронштадтцев.

На пустом пространстве между городом и берегами городские жители разбили коллективные огороды, нечто вроде маленьких садоводческих коммун.

Группы горожан человек по пятьдесят, живущих в одном квартале или работающих на одном предприятии, договаривались сообща обрабатывать землю. Каждая «коммуна» получала от города по жребию участок земли. «Коммунарам» помогали специалисты — землемеры и агрономы.

Все общие вопросы, интересовавшие членов коммуны, обсуждались на встречах делегатов или общих собраниях.

Посевным фондом занимался Продовольственный комитет. Сельскохозяйственные орудия предоставлялись городскими складами и самими «коммунарами». Навоз — единственное доступное удобрение — также выделялся городом.

Эти огороды сослужили жителям Кронштадта хорошую службу, особенно в периоды голода, в 1918 году и позднее.

Одновременно такие «коммуны» сплачивали кронштадтцев.

«Свободная коммуна» показала свою жизнеспособность. Она просуществовала до 1921 года и долгое время являлась единственной независимой организацией, которую не удалось уничтожить большевикам.

Всем, что касалось городских служб, ведали сами жители через свои *Домовые комитеты* и «милицию». Постепенно дело шло к социализации жилищ и городского хозяйства.

В Кронштадте и окрестностях (до воцарения большевиков) жители каждого *дома* проводили в начале несколько общих собраний. На собраниях избирался «комитет квартиросъемщиков», состоявший из энергичных и способных людей (жильцы хорошо знали друг друга.) Комитет следил за порядком в доме и безопасностью его жителей, назначал дежурных и т. д. «Домовые комитеты» делегировали по одному своему члену в «уличный комитет», занимавшийся делами *отдельной улицы*. Затем шли «квартальные», «окружные» и, наконец, «городской комитет», занимавшийся общегородскими делами и естественным и логичным образом централизовавший работу, когда это было необходимо. Таковы были

задачи Комитетов.

«Милиция» была организована подобным же образом: в каждом доме имелись милиционеры из жильцов; затем следовала уличная, квартальная милиция и т. д.

Все службы работали замечательно, так как ответственные за них люди выполняли свою работу от души, любили ее, то есть трудились сознательно и добросовестно, полностью отдавая себе отчет в важности выполняемых задач[8]. (Разумеется, большевики, придя к власти, постепенно ликвидировали это местное самоуправление и заменили его «механической» государственной организацией, чиновниками.)

На пути к полной социализации жилищ и городских служб трудящиеся Кронштадта делали мирные и созидательные шаги, направленные на фундаментальное переустройство самих основ общественной жизни.

Глава IV. Кронштадт против большевиков (март 1921г.)

Мы подходим к ключевому моменту эпопеи — отчаянной и героической борьбе Кронштадта против большевиков, концу его независимости.

Первые разногласия между кронштадтцами и новым правительством возникли почти сразу же после Октябрьской революции.

Лозунг «Вся власть местным Советам» означал для Кронштадта независимость каждого местного Совета, каждой общественной организации в ее делах по отношению к политическому центру страны: право выдвигать инициативы, принимать решения и меры, не спрашивая «разрешения» у властей. Таким образом, «Центр» не мог ни навязывать, ни диктовать свою волю местным Советам, каждый Совет и рабоче-крестьянский орган являлся у себя «хозяином». Естественно, он должен был координировать свои действия с другими органами на федеративной основе. Дела, касающиеся всей страны, координировались бы общим федеративным центром.

Таким образом, Кронштадт рассчитывал, что под защитой «пролетарского» и «дружественного» правительства свободные Федерация Советов и Федерация Заводских Комитетов со временем превратятся в мощную организованную силу, способную отстаивать завоевания Социальной Революции и двигать ее вперед.

Но правительство, разумеется, делало все, что угодно, только не решало основную проблему: содействие рабочим и крестьянским организациям в их окончательном освобождении.

Правительство занималось Учредительным Собранием, собственной организацией и прерогативами, отношениями с различными политическими партиями, разработкой проектов сотрудничества с остатками буржуазии («рабочий контроль над производством») и т. п. Его мало заботила независимость рабочих организаций. Оно меньше всего об этом думало.

Более того: оно понимало лозунг «власть Советам» весьма странным образом, вкладывая в него прямо противоположный смысл. Вместо того, чтобы помочь рабочим массам завоевать и развить собственную независимость, правительство постепенно *отбирало у них всякую «власть»* и обращалось с ними как с подданными. Закрывало по своему усмотрению заводы

и увольняло работников вопреки их желанию; принимало другие произвольные и принудительные меры, даже не спрашивая тех, кого они затрагивали; пренебрегало возражениями рабочих организаций. А главное — с каждым днем все больше — под разными предлогами сужало поле свободной деятельности Советов и других организаций трудящихся, навязывая свою волю при помощи произвола и насилия.

Приведем еще несколько примеров лживости большевистского правительства и его неспособности решать реальные проблемы Революции.

В начале 1918 года трудовое население Кронштадта после ряда дискуссий на собраниях решило произвести «социализацию жилищного фонда».

Прежде всего было необходимо добиться одобрения и поддержки местного Совета; затем создать соответствующий орган, призванный изучить состояние жилищ, распределить их по справедливости, обеспечить их поддержание в порядке, наладить ремонтные службы, строительство новых домов и т. д.

Последний из массовых митингов поручил нескольким членам Совета — левым эсерам и анархо-синдикалистам — поставить вопрос на следующем пленарном заседании.

Затем детально разработанный уполномоченными проект был представлен на бюро Совета.

Первая статья проекта гласила: «Отныне частная собственность на недвижимость отменяется».

В других статьях уточнялось:

— управление всяким жилищем поручается «Домовому комитету», избираемому всеми жильцами;

— важные дела, касающиеся конкретного дома, обсуждаются на общих собраниях жильцов;

— дела, касающиеся квартала, рассматриваются общими собраниями его жителей; последние избирают «Квартальные комитеты»;

— «Окружные комитеты» занимаются делами всего округа;

— наконец, делегаты всех городских округов формируют «Городское исполнительное бюро Домовых комитетов», которое призвано заниматься общегородскими делами.

Входившие в Совет большевики потребовали отложить обсуждение проекта на восемь дней под предлогом важности проблемы и необходимости ее глубокого изучения.

Совет согласился на отсрочку, а большевики отправились в Петроград за инструкциями «Центра».

На следующем заседании большевистская фракция предложила отклонить предложенный проект. Она, в частности, заявила, что проблему такой важности можно решать только в масштабах всей страны; что Ленин уже готовит соответствующий декрет и Кронштадтскому Совету необходимо дождаться указаний из Центра.

Левые эсеры, максималисты и анархо-синдикалисты потребовали немедленного обсуждения проекта и добились своего.

В ходе дискуссии крайне левые подчеркнули необходимость перейти к голосованию сразу же после дебатов и, если проект будет принят, незамедлительно приступить к его реализации.

Тогда большевики и социал-демократы (меньшевики) образовали «единый фронт», встали и покинули зал под насмешливые аплодисменты и крики: «Наконец-то они объединились!»

Пытаясь уладить конфликт, один делегат-максималист предложил голосовать проект постатейно, что позволило бы большевикам вернуться, принять участие в голосовании и исправить произведенное их выходкой впечатление: будто они выступают против отмены частной собственности.

Предложение было принято. Тем временем большевики осознали свой тактический промах. Они вернулись на свои места и проголосовали за первую статью: «Частная собственность на недвижимость отменяется».

С их стороны это было голосование «за принцип».

Но когда перешли к голосованию по статье, в которой обговаривались средства реализации этого принципа, они вновь покинули зал.

Любопытная деталь: в этой ситуации некоторые большевики сочли для себя невозможным подчиниться «партийной дисциплине». Они остались на своих местах, приняли участие в дискуссии и одобрили проект, так как получили формальный мандат своих избирателей проголосовать за его немедленную реализацию. Тем не менее их исключили из партии за «анархо-синдикалистский уклон».

Проект был принят.

Но еще долго в цехах, батальонах, на кораблях вокруг этого дела продолжались жаркие споры. (Кронштадт пока не был покорен.) Собрания следовали одно за другим. На них приглашали членов Совета с отчетами об инциденте и их поведении. Некоторые большевики, выступившие против проекта, были отозваны из Совета своими избирателями.

После этого большевики начали активную кампанию против анархо-синдикалистов. И попытались саботировать выполнение принятого решения.

Это ни к чему не привело. Вскоре были образованы и приступили к работе домовые, квартальные и прочие Комитеты. Решение вступило в силу. Принцип: «Каждый имеет право

на достойное жилье», был реализован.

Комитеты посетили все жилища, чтобы подготовить их справедливое распределение.

Обнаружили, с одной стороны, ужасные трущобы, в которых несчастные ютились порой по несколько семей, в то время как в залитых солнцем и комфортабельных 10-15-комнатных квартирах проживали по несколько человек. Например, директор Инженерной школы, холостяк, один занимал шикарные двадцатикомнатные апартаменты. А когда комиссия явилась осмотреть его жилье и предложила сократить его «жизненное пространство» в пользу нескольких несчастных семей, живших в трущобах, он бурно запротестовал и назвал этот акт «настоящим разбоем».

Вскоре все жильцы нездоровых бараков, смрадных чердаков и грязных подвалов смогли переселиться в более менее комфортабельные жилища.

Для приезжих обустроили несколько гостиниц.

Каждый окружной комитет организовал мастерскую по ремонту жилищного фонда. Эти мастерские успешно функционировали.

Позднее большевистское правительство уничтожило подобную организацию и положило конец творческим начинаниям. Управление жильем было передано чисто бюрократическому централизованному учреждению — **«Центральной организации по земле и недвижимости»**[9], связанной с ВСНХ. Эта «Центральная организация» приставила к каждому дому, кварталу, округу *чиновника*, или, вернее, *полицейского*, призванного, главным образом, наблюдать за входящими и выходящими их зданий, сообщать о переездах жителей, нарушениях закона о проживании, доносить на «подозрительных» и пр.

Был издан ряд бюрократических и бесплодных декретов. Всякая позитивная работа прекратилась. Население лишилось возможности участвовать в ней (так происходило везде), повсюду воцарился застой. Лучшие здания были реквизированы для государственных бюрократических служб, под жилье для функционеров и т. д. А другие, оставленные без присмотра, начали приходить в упадок.

Превентивные меры правительства.

Столкнувшись с подобными действиями новой власти *во всех сферах жизни*, кронштадтские матросы быстро поняли, что оказались обмануты лживыми лозунгами «пролетарского государства», «диктатуры пролетариата» и пр. Они увидели, что под дружеской личиной на троне оказались новые враги трудящихся масс.

Матросы не скрывали своего разочарования. Уже с конца 1917 года, два месяца спустя после Октябрьской революции, в их рядах начинает зреть недовольство бюрократическими, произвольными, антиобщественными и антиреволюционными действиями правительства.

Но большевики не дремали. Правительство прекрасно знало, что из себя представляют кронштадтские революционеры. Оно не могло чувствовать себя в безопасности, пока совсем

рядом с ним сохранялась цитадель подлинной Революции.

Нужно было любой ценой подчинить ее себе.

Правительство разработало макиавеллиевский план. Не осмеливаясь открыто, «в лоб» атаковать Кронштадт, оно начало методически, тайно *ослаблять его*, истощать его силы. Под благовидными предложениями оно приняло ряд мер, направленных на то, чтобы лишить Кронштадт его лучших сил, наиболее боевых элементов, «истощить» его и, в конечном итоге, уничтожить.

Прежде всего, оно как никогда прежде начало эксплуатировать революционный энтузиазм, силы и способности матросов.

Когда вскоре после Октября положение с продовольствием в городах стало катастрофическим, правительство попросило Кронштадт сформировать специальные команды пропагандистов и отправило их в провинцию, в деревню, чтобы внушать крестьянам идеи солидарности, революционного долга, в частности, побуждать снабжать продовольствием города. Революционная репутация кронштадтцев, заявляли большевики, могла сослужить здесь неоценимую службу: матросам легче других удавалось убедить крестьян поделиться частью собранного урожая с голодающими рабочими.

Кронштадт подчинился. Многочисленные отряды отправились в провинцию и выполнили поставленную задачу. Но затем почти все эти отряды под разными предложениями были раздроблены. Их бойцов вынудили остаться на местах. В Кронштадт они больше не вернулись.

Одновременно правительство постоянно забирало из Кронштадта крупные воинские подразделения, посылая их повсюду, где положение становилось неустойчивым, угрожающим, опасным.

Кронштадт неизменно повиновался. Сколько славных бойцов и активистов не вернулись больше на свои корабли и в казармы!

Правительству также постоянно требовались люди, способные занимать важные, ответственные посты, мужественно преодолевать любые трудности.

Кронштадт никогда не отказывал.

Командиры отрядов, коменданты бронепоездов и железнодорожных станций, квалифицированные рабочие — механики, токари, монтеры и т. д. — набирались из числа кронштадтцев.

Кронштадт шел на любые жертвы.

Когда мятеж Каледина на юге страны принял угрожающие масштабы, именно Кронштадт послал против него большой отряд, что способствовало разгрому противника; но многие кронштадтцы полегли на поле боя.

В довершение всех этих подготовительных мер был нанесен мощный удар, которому *ослабленный* Кронштадт не смог противостоять.

Когда в феврале 1918 года матросы, возвращавшиеся после разгрома Каледина, высадились на конечной станции, откуда открывалась панорама заснеженного Финского залива, они с изумлением увидели, что проложенная по льду дорога черна от людей. Это были кронштадтские моряки, бредущие в сторону Петрограда с узлами за спиной.

Вскоре возвратившиеся бойцы узнали от них горькую правду.

Вопреки резолюции, единодушно принятой Всероссийским съездом матросов сразу же после Октябрьской революции и провозгласившей, что флот не будет демобилизован и сохранится в целостности как революционная боевая единица, в **начале февраля 1918 г. Совет Народных Комиссаров издал декрет о роспуске существующего флота**[10].

Предполагалось создать «Красный флот» на новых основах. Отныне каждый новобранец должен был подписывать *индивидуальное* соглашение о том, что «добровольно» идет на флот. И, что показательно, зарплата морякам предлагалась весьма заманчивая.

Матросы отказались выполнять декрет.

Правительство ответило ультиматумом: либо подчинитесь, либо через сутки снабжение прекращается.

Кронштадт не ощущал в себе достаточно сил для стойкого сопротивления. Скрепя сердце и проклиная новую «революционную» Власть, моряки собрали пожитки и покинули «цитадель», прихватив с собой несколько пулеметов. «Может, они нам еще понадобятся, — говорили матросы. — Пусть большевики сами вооружают своих наемников!»

(Как известно, несколько месяцев спустя большевистское правительство разоружило все население. Каждому гражданину, кем бы он ни был и где бы ни находился, под страхом смертной казни вменялось в обязанность сдать оружие местным властям.)

Позднее некоторое число матросов, возвратившихся в Кронштадт с революционных фронтов, объединились. Но это была лишь незначительная горстка людей. Основные силы «рассеялись» по всей необъятной стране.

Кронштадт уже не был прежним.

Правительство не раз смогло в этом убедиться.

Так, во время мирных переговоров с Германией Кронштадтский Совет, как и подавляющее большинство остальных Советов, проголосовал против мира с генералами. Против него люди выступали на всех митингах и собраниях. Тогда большевики, приняв ряд мер, аннулировали первое голосование, подняли вопрос во второй раз и навязали мирную резолюцию. Кронштадт подчинился.

После заключения мира и распада сплоченного революционного блока (Кронштадт, Черноморская эскадра и др.) большевики могли спокойно укреплять свою диктатуру над трудовым народом.

Когда в апреле 1918 г. правительство разгромило анархистские группы в Москве и других местах, закрыло их штаб-квартиры, запретило прессу и бросило в тюрьму активистов, Кронштадт еще раз показал когти. Но они уже были не так остры. Теперь матросы не могли «повернуть пушки» против лжецов. Впрочем, последние были вне зоны их досягаемости: они, как и тираны прошлого, укрылись за Кремлевскими стенами, в Москве. Кронштадту пришлось ограничиться двумя резолюциями протеста: одна была принята массовым митингом на славной Якорной площади, другая — Советом.

Тотчас же на «гордость и славу Революции» обрушились жестокие репрессии. Большевики намеренно позволили собраниям состояться — им нужен был предлог. Совет распустили и заменили новым, более покорным. Собрания, пресса, как и повсюду, оказались подчинены государству. В городе создали отдел ЧК. Повсюду — в цехах, в полках, на кораблях — организовывались «коммунистические ячейки».

Началась тотальная слежка. За малейшую критику действий большевиков «виновных» арестовывали и отправляли в Петроград, откуда большинство их них не возвращалось.

Только один раз Кронштадт возмутился и одержал верх. Линейный корабль «Петропавловск» решительно отказался выдать властям матроса-анархиста (по фамилии Скурихин). На этот раз большевики не упорствовали. Провоцировать волнения из-за одного человека было бы неразумно. Игра не стоила свеч. Что касается парня, до него потом все равно добрались.

За исключением этого возмутительного случая, правительство большевиков могло торжествовать: Кронштадт, авангард подлинной Революции, бессильно склонился под железным ярмом «коммунистической» власти.

Однако это было верно только наполовину.

Многие месяцы Кронштадт бессильно взирал на ложь, низость, преступления могильщиков Революции.

Возвращаясь в увольнение, матросы рассказывали, как обращается с трудовым народом «власть трудящихся». В деревнях у всех крестьян без разбора отнимали последнее зерно, последний скот, зачастую даже домашнюю утварь, обрекая земледельцев на голодное существование и не останавливаясь перед массовыми арестами и казнями недовольных. Вооруженные заградотряды на подходах к городам беспощадно конфисковывали мешки муки, которые крестьяне везли чаще всего своим голодающим родственникам; тех, кто оказывал сопротивление, арестовывали. Одновременно «закрывали глаза» на настоящих торгашей, позволяя им свободно перевозить предназначенный на продажу товар, потому что те «давали на лапу».

«Трудовой народ разоружен», — делали вывод матросы. Теперь они поняли: «Всеобщее вооружение трудящихся, свобода слова и деятельности внушает страх не только отъявленным контрреволюционерам, но и тем, кто свернул с пути подлинной Революции. Создается Красная Армия, которая, как и все прочие армии, призвана стать слепым орудием в руках правящей партии. Лишенных корней, оторванных от своих цехов и товарищей по работе, увлеченных лживыми лозунгами и посулами, подчиненных отупляющей дисциплине и не имеющих возможности действовать организованно солдат руководители, кем бы они ни были, смогут легко использовать в своих целях».

Кронштадт слушал, наблюдал и возмущался, но не находил в себе сил действовать.

А народ все больше сковывали, обуздывали, подчиняли, подавляли.

Наконец гроза все-таки разразилась.

Но началась она не в Кронштадте, а в Петрограде.

В конце февраля 1921 года положение городских рабочих масс стало нестерпимым.

Все приходило в упадок. Не хватало продуктов первой необходимости. Даже хлеб, и тот выдавался по карточкам и нерегулярно. Жилища не отапливались. Железные дороги были на последнем издыхании. Многие заводы закрывались, что лишь усугубляло положение.

Призывы, запросы, жалобы рабочих оставались без ответа.

Большевики у власти прекрасно понимали сложность положения. И даже признавались, что бессильны исправить его. Но они упрямо отказывались внести малейшие изменения в свою «генеральную линию». Большевики не хотели даже *разговаривать* с недовольными рабочими. Они заранее отвергали всякие предложения сотрудничества, всякие инициативы. А вместо этого все чаще прибегали к реквизициям, военным экспедициям, репрессивным мерам, насилию и произволу.

Тогда в Петрограде начались беспорядки.

На нескольких важнейших заводах прошли общие собрания рабочих, которые приняли резолюции с осуждением правительства и потребовали смены режима. На стенах цехов появлялись прокламации, составленные в том же духе. В массах зрело глухое недовольство.

Здесь необходимо сделать важное замечание.

Естественно, в этом массовом движении участвовали различные элементы, предлагались различные идеи. Поскольку никакой *свободы* идей и дискуссий не допускалось, а многочисленные *революционеры* томились в застенках, брожение в массах оставалось неопределенным и смутным. Революционный процесс пошел по ошибочному пути, и смысл движения неизбежно оказался извращен.

В этих условиях не было ничего удивительного в том, что ряд участников движения (особенно умеренные социалисты), находившихся под влиянием антиреволюционной пропаганды, предлагали меры, которые могли бы заставить Революцию отступить; не в их целях было пытаться вывести ее из тупика, чтобы *двигать вперед*.

Так, некоторые требовали восстановления свободы торговли и, главное, созыва Учредительного Собрания.

Но следует отметить три важных момента:

1. Все эти элементы не *господствовали* над движением. Они не были ни самыми сильными, ни самыми смелыми. Свобода пропаганды для левых, свобода действий для масс — это, при поддержке искренних большевиков, еще могло спасти положение и придать Революции новый импульс *в позитивном направлении*.
2. Не следует забывать, что в целом большевизм также являлся *реакционной* системой. Таким образом, существовало две реакционные силы: одна, представленная антибольшевистскими элементами, тянула назад; другая — сам большевизм — парализовал и останавливал Революцию. Единственная подлинно революционная сила не имела с ними ничего общего.
3. Эту подлинно революционную силу составляли другие. И — что важно для нас — *их самым значительным представителем являлся Кронштадт*.

Кронштадтцы предлагали решение, которое не имело ничего общего ни с большевизмом, ни с такими ретроградными идеями, как *созыв Учредительного Собрания или возврат к частному капитализму*.

В этом убеждают действия Кронштадта с самого начала волнений.

В ответ на прокламации, требующие созыва Учредительного Собрания, Кронштадт отправил (тайно, разумеется) своих посланцев на заводы, фабрики и мастерские Петрограда, чтобы заявить рабочим:

Кронштадт решительно повернет орудия, направит всю свою энергию *против Учредительного Собрания*, против всякого возвращения назад. Но если рабочие, разочаровавшись в «диктатуре пролетариата», выступят против новых властителей, за *«свободные Советы»*, за свободу слова, печати, организации и действий для всех трудящихся, рабочих и крестьян, а также для всех идейных течений: анархистов, левых эсеров и др.; если рабочие положат начало третьей, подлинно пролетарской Революции, призванной осуществить обещания Октября, тогда Кронштадт единодушно поддержит их, готовый победить или погибнуть.

22 февраля на всех крупных заводах начались стихийные митинги.

24-го события приняли еще более серьезный оборот.

С утра власти с целью «чистки» предприняли ревизию личных дел рабочих Трубно́го завода, одного из крупнейших в Петрограде. Это переполнило чашу. **Завод встал. Несколько**

сотен рабочих отправились на другие предприятия, призывая к стачке. Вскоре к бастующим присоединились Балтийский завод, фабрика Лаферма и Патронный завод[11].

На улице собралась толпа возбужденных рабочих численностью от 2 до 3 тысяч человек. «Рабоче-крестьянское» правительство, которое уже обзавелось специально обученными полицейскими и военными частями, способными подавить манифестацию, отправили на место отряд красных курсантов (студентов Военной Академии). Они рассеяли безоружных рабочих. Другие митинги также были разогнаны полицией и войсками.

25 февраля движение охватило весь город. Забастовали рабочие портов Адмиралтейства и «Галерная».

Тут и там собирались толпы рабочих. Они вновь разгонялись специальными отрядами.

Ввиду усиливающихся беспорядков правительство подняло по тревоге гарнизон бывшей столицы. Но он также был охвачен брожением. Несколько частей заявили, что не станут сражаться с рабочими. Их разоружили; но правительство уже не могло рассчитывать на армию[12]. И вызвало из провинции, с «фронтов» гражданской войны отборные коммунистические отряды.

В тот же день правительство создало в Петрограде «Комитет Оборона» под руководством Зиновьева для борьбы с ширящимся движением[13].

26 февраля на заседании Петроградского Совета убежденный коммунист Лашевич, член этого комитета и одновременно Реввоенсовета Республики, сделал доклад о сложившейся ситуации. Он осудил рабочих Трубно́го завода как зачинщиков волнений, назвав их «людьми, которые заботятся только о своих личных интересах», и «контрреволюционерами». В результате завод был закрыт и рабочие автоматически лишились своих хлебных пайков.

На том же заседании комиссар Балтийского флота Кузьмин впервые сообщил о некотором брожении среди экипажей военных кораблей Кронштадтского рейда.

Начиная с 27 февраля на стенах бывшей столицы расклеивались многочисленные прокламации. В наиболее характерной из них говорилось:

«Необходимо коренное изменение всей политики власти, и, в первую очередь, рабочим и крестьянам нужна свобода. Они не желают жить по большевистской указке, они хотят сами решать свою судьбу. Товарищи, поддерживайте революционный порядок. Организованно и настойчиво требуйте:

Освобождения всех арестованных социалистов и беспартийных рабочих. Отмены военного положения, свободы слова, печати и собраний для всех трудящихся. Свободных выборов завкомов, профсоюзов и советов».

Правительство ответило массовыми арестами и запретом различных рабочих организаций[14].

28 февраля верные коммунистам воинские части вступили в Петроград. Тотчас на трудящихся обрушились беспощадные репрессии. Безоружные рабочие не могли оказать сопротивления. За два дня стачка была подавлена силой, рабочая агитация пресечена, по выражению Троцкого, «железной рукой».

Но в тот же день поднялся Кронштадт.

Кронштадт поддерживает петроградских рабочих. Его первые акции. Ответный удар правительства.

28 февраля экипаж линкора «Петропавловск», волновавшийся уже несколько дней, принял резолюцию, которую тотчас же одобрила команда другого военного корабля, «Севастополя».

Вскоре волнения охватили весь кронштадтский флот и красноармейцев гарнизона.

Резолюция не носила агрессивного характера; в ней лишь нашли отражения стремления трудящихся и моряков.

В Петроград отправилось несколько групп матросов, чтобы установить более тесные связи с рабочими бывшей столицы и получить точную информацию о сложившемся положении.

Таким образом, движение моряков носило исключительно мирный и лояльный характер. Они поддержали некоторые требования трудящихся, что являлось вполне нормальным для «рабочего государства», руководимого «пролетарским правительством».

1 марта на Якорной площади состоялся общий митинг. Он был *официально* организован первой и второй эскадрой Балтийского флота. Объявление о нем появилось в газете — органе Кронштадтского Совета.

В тот же день в Кронштадт прибыли председатель ВЦИК Калинин и комиссар Балтийского флота Кузьмин. Калинин устроили воинские почести, его встретили с **музыкой и развернутыми знаменами.**

В митинге участвовали 16 тысяч матросов, красноармейцев и рабочих. Вел его председатель исполкома Кронштадтского Совета коммунист Васильев. Присутствовали Калинин и Кузьмин[15].

Отчитались представители посланных в Петроград делегаций. Возмущенное собрание выразило свое неодобрение методам, при помощи которых коммунисты подавили петроградских рабочих, выдвинувших законные требования. Тогда вниманию собравшихся была предложена резолюция, принятая накануне на «Петропавловске». Во время обсуждения председатель Калинин и комиссар Кузьмин подвергли ее резкой критике, а также осудили забастовщиков Петрограда и матросов Кронштадта. Но их выступления не

произвели никакого эффекта. Резолюция «Петропавловска», поставленная на голосование матросом Петриченко, была единодушно принята.

«Резолюцию одобрило подавляющее большинство кронштадтского гарнизона. Она была зачитана на общегородском митинге 1 марта в присутствии почти 16.000 граждан, и принята единодушно. Председатель Исполкома Кронштадта Васильев и товарищ Калинин голосовали против резолюции».

Так описывал события комиссар Кузьмин.

Вот полный текст этого исторического документа:

«Резолюция собрания команд 1-й и 2-й бригад кораблей от 1 марта 1921 г.

Заслушав доклад представителей команд, посылаемых общим собранием команд с кораблей в гор. Петроград для выяснения дел в Петрограде, постановили:

1. Ввиду того, что настоящие советы не выражают волю рабочих и крестьян, немедленно сделать пере выборы советов тайным голосованием, причем перед выборами провести свободную предварительную агитацию всех рабочих и крестьян.
2. Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов, левых социалистических партий[16].
3. Свободу собраний и профессиональных союзов, и крестьянских объединений.
4. Собрать не позднее 10 марта 1921 г. беспартийную конференцию рабочих, красноармейцев и матросов гор. Петрограда, Кронштадта и Петроградской губернии.
5. Освободить всех политических заключенных социалистических партий, а также всех рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных и связи с рабочими и крестьянскими движениями.
6. Выбрать комиссию для пересмотра дел заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях.
7. Упразднить всякие политотделы, так как ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получить от государства средства для этой цели. Вместо них должны быть учреждены с мест выбранные культурно-просветительные комиссии, для которых средства должны отпускаться государством.
8. Немедленно снять все заградительные отряды[17].
9. Уравнять паек для всех трудящихся, за исключением вредных цехов.
10. Упразднить коммунистические боевые отряды во всех воинских частях, а также на фабриках и заводах разные дежурства со стороны коммунистов, а если таковые дежурства или отряды понадобятся, то можно назначить в воинских частях с рот, а на фабриках и заводах по усмотрению рабочих.
11. Дать полное право действия крестьянам над своею землею так, как им желательно, а также иметь скот, который содержать должен и управлять своими силами, т. е. не пользуясь наемным трудом.

12. Просим все воинские части, а также товарищей военных курсантов присоединиться к нашей резолюции.
13. Требуем, чтобы все резолюции были широко оглашены печатью.
14. Назначить разъездное бюро для контроля.
15. Разрешить свободное кустарное производство собственным трудом.

Резолюция принята бригадным собранием единогласно при 2 воздержавшихся.

Председатель Бригадного собрания Петриченко

Секретарь Перепелкин»

Текст этой резолюции свидетельствует, что движением управляли сами трудящиеся, которые выражали свои собственные идеи и стремления без какого бы то ни было давления со стороны.

Поскольку полномочия Кронштадтского Совета истекали, на митинге было решено 2 марта провести собрание делегатов кораблей, гарнизона, мастерских, профсоюзов и различных советских учреждений, чтобы обсудить способ проведения новых выборов. Это решение полностью соответствовало российской Конституции. О ходе собрания регулярно сообщалось в «Известиях», официальном органе Совета.

2 марта в Доме просвещения (бывшем Инженерном училище) собралось более 300 делегатов.

Подавляющее большинство делегатов не принадлежало ни к каким политическим партиям. Коммунисты составляли меньшинство; однако по традиции именно им было поручено выступить с докладом «Цели и задачи Собрания делегатов».

Собрание открыл матрос Петриченко. Открытым голосованием оно избрало президиум из 5 человек. Позднее один из них рассказывал, что в собрании участвовали исключительно матросы, красноармейцы, рабочие и совслужащие. Разумеется, среди делегатов не было ни одного «старорежимного офицера» (инсинуация со стороны петроградских коммунистов).

Повестка дня включала в себя перевыборы в Совет. Их хотели провести на более свободной и справедливой основе, учитывая принятую накануне резолюцию. Совет призван был выполнить поставленные ею задачи.

Собрание являлось совершенно «советским» по духу. Кронштадт требовал Советов, свободных от влияния политических партий, Советов, которые реально отражали бы стремления трудящихся, проводили бы в жизнь их волю. Это ничуть не мешало делегатам — противникам режима комиссаров-бюрократов, но не Советов вообще — оставаться лояльными, сочувствовать коммунистической партии как таковой и стремиться мирным путем разрешить насущные проблемы.

Но предоставим возможность рассказать о событиях самим кронштадцам.

Вот что они сообщают в «Известиях» Временного революционного комитета Кронштадта, № 9 от 11 марта 1921 г. (сама резолюция была опубликована в № 1 от 3 марта):

«Как создавался Временный революционный комитет.

Первого марта в два часа дня с разрешения исполкома, а не самочинным способом, на площади Революции собрался митинг моряков, красноармейцев и рабочих.

На митинге присутствовало до 15 тысяч человек. Митинг происходил под председательством председателя Исполкома тов. Васильева и при участии председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета т. Калинина и комиссара Балтфлота Кузьмина, приехавших из Петрограда.

Предметом митинга было обсуждение резолюции, принятой перед этим на общем собрании корабельных команд 1 и 2 бригад, по текущему моменту и по вопросу о том, какими средствами вывести страну из тяжелого состояния общего расстройств и разрухи.

Резолюция эта теперь известна всем и не заключает в себе чего-либо такого, что колебало бы советскую власть.

Напротив, она выражает собою подлинную власть Советов — власть рабочих и крестьян. Но выступавшие с речами тт. Калинин и Кузьмин не хотели этого понять. Их выступления не имели успеха. Они не сумели подойти к измученным до отчаяния массам. И митинг единогласно принял резолюцию корабельных команд.

На другой день, с разрешения и ведома Исполкома, согласно опубликованного в «Известиях» распоряжения [sic], в Доме Просвещения (в Инженерном училище) собрались делегаты от кораблей, воинских частей, мастерских и профессиональных союзов, по два человека от каждой организации. Всего собралось свыше трехсот человек.

Представители власти растерялись, а некоторые из них оставили город. Поэтому вполне понятно, что охрану как самого здания, так и делегатов от каких-либо эксцессов с чьей-либо стороны пришлось взять на себя команде линейного корабля «Петропавловск».

Собрание делегатов было открыто тов. Петриченко, который после избрания президиума в 5 человек предоставил слово комиссару Балтфлота т. Кузьмину. Несмотря на резко определившееся со стороны гарнизона и рабочих отношение к представителям власти и коммунистам — т. Кузьмин не хотел считаться с этим. Задачей собрания было найти выход, разрешить мирным путем создавшееся положение, а именно: подлежало образовать такой орган, с помощью которого можно было бы провести намечавшиеся резолюцией перевыборы в Совет на более справедливых основаниях.

И это тем необходимее надо было сделать, что полномочия старого Совета, сплошь почти из коммунистов и оказавшегося несостоятельным в проведении жизненных неотложных задач, в сущности, уже кончились.

Но вместо того, чтобы успокоить собрание, т. Кузьмин раздражил его. Он говорил о двойственном положении, которое занял Кронштадт, о патрулях, двоевластии, об опасности со стороны Польши, о том, что на нас смотрит вся Европа, уверял, что в Петрограде все спокойно; подчеркнул, что он в руках делегатов, что делегаты могут, если им угодно, расстрелять его, и заключил свое выступление заявлением. Что если делегаты хотят вооруженной открытой борьбы, то она и будет — коммунисты от власти добровольно не откажутся и будут бороться до последних сил.

После речи Кузьмина, бестактной и не внесшей ни капли успокоения в взволнованную массу делегатов, а только еще больше содействовавшей ее раздражению, бесцветное выступление председателя Исполкома т. Васильева, очень неопределенное по содержанию, было бесцельным. Подавляющее большинство вобравшихся было явно против коммунистов.

Но тем не менее собрание не теряло уверенности, что согласиться с представителями власти возможно. Это лучше всего подтверждается тем обстоятельством, что призыв председателя собрания приступить к деловой работе и выработать повестку дня нашел себе единодушную поддержку среди делегатов.

Решено было приступить к выработке повестки дня, но вместе с тем с достаточной для всех очевидностью обнаружилось, что доверять тт. Кузьмину и Васильеву нельзя, что их временно необходимо задержать ввиду того, что распоряжения об отобрании оружия от коммунистов не было сделано, что телефонами пользоваться нельзя, что красноармейцы, как это подтвердилось оглашенным на собрании письмом, напуганы, что комиссары не разрешают собраний в частях и т. п.

Хотя собрание не скрывало своего отрицательного отношения к коммунистам, тем не менее вставший, после удаления с собрания тт. Кузьмина, Васильева и коменданта крепости, вопрос о том, оставаться ли находившимся в числе делегатов коммунистам на собрании и продолжать совместно общую работу с беспартийными товарищами, был решен в положительном смысле. Собрание, несмотря на отдельные протесты некоторых членов, предлагавших коммунистов задержать, не согласилось с этим, нашло возможным признать их такими же полномочными представителями частей и организаций, как остальных членов.

Этот факт снова подтверждает, что беспартийные делегаты трудящиеся, красноармейцы, моряки и рабочие верили, что принятая накануне на гарнизонном митинге резолюция не ведет к разрыву с коммунистами как с партией, что для них может быть найден общий язык, что они могут понять друг друга.

Затем, по предложению тов. Петриченко, была оглашена принятая накануне на гарнизонном митинге резолюция, которая и принимается собранием подавляющим большинством голосов.

И вот в тот момент, когда, казалось, собрание могло приступить к деловой работе, поступает внеочередное заявление т. делегата с линкора «Севастополь» о том, что по направлению к зданию собрания движется 15 подвод с винтовками и пулеметами.

Это сообщение, совершенно неожиданное для собравшихся, в дальнейшем не подтвердилось и было пущено коммунистами в целях сорвать собрание. Но в тот момент, когда оно делалось, собрание, при том напряженном настроении, в котором оно находилось, при явно недоброжелательном отношении к нему со стороны представителей власти, всей создавшейся обстановкой было достаточно подготовлено к тому, чтобы верить, что это действительно так.

Тем не менее предложение председателя перейти к обсуждению текущего момента на основе принятой резолюции поддерживается собранием, и собрание приступает к обсуждению мер, которые могли бы служить к действительному проведению принятой резолюции. Предложение отправить делегацию в Петроград отклоняется ввиду возможного ареста ее. После этого от целого ряда товарищей из среды делегатов поступает предложение образовать в составе президиума собрания Временный Революционный Комитет, которому и поручить озаботиться проведением новых выборов в Совет.

В самый последний момент т. председатель сообщает, что на собрание двигается отряд в две тысячи человек, после чего собрание, взволнованное и возбужденное, расходится в тревоге из здания Дома Просвещения.

По закрытии собрания в связи с только что сделанным сообщением Временный Революционный Комитет, в целях охраны, отправился на линейный корабль «Петропавловск», где и имел пребывание до тех пор, пока усилиями Комитета в городе не был обеспечен порядок в интересах всех трудящихся, всех моряков, красноармейцев и рабочих».

Добавим к этому обобщенному и неполному рассказу несколько деталей, сообщенных позднее одним из членов Революционного Комитета.

Решение создать этот Комитет, принятое единогласно за несколько минут до закрытия заседания под воздействием тревожных слухов и угроз Кузьмина, Калинина и Васильева, подразумевало, что «президиуму собрания и председателю Петриченко поручено временно исполнять функции Революционного Комитета за отсутствием времени, необходимого для соблюдения всех формальностей при создании подобного учреждения».

Кроме того, было известно, что сразу же после народного митинга 1 марта *коммунисты готовились подавить движение вооруженной силой.*

Действительно, местный партком начал активно вооружать членов партии. Он отдал приказ комиссару крепости взять на складах и раздать в партячейках **винтовки, пулеметы и боеприпасы.**

Не вызывает сомнения, что руководители кронштадтских коммунистов помешали бы собранию состояться, если бы обстоятельства сложились для них благоприятно [18].

Большинство из приблизительно 2 тысяч кронштадтских коммунистов являлись членами партии лишь формально, вступив в нее по причинам личного характера, а не по убеждению.

С самого начала событий эта масса отвернулась от своих лидеров и присоединилась к общему движению. А сами эти лидеры, даже при поддержке некоторого числа курсантов, расквартированных в Кронштадте и слепо преданных партии, не могли оказать сопротивление всему флоту, гарнизону и населению города. Вот почему они отказались от идеи немедленно начать вооруженную борьбу в стенах Кронштадта. Часть их бежала. Другие отправились в окрестные форты, надеясь поднять их на борьбу с начавшимся движением. За ними последовали курсанты. Они посещали один форт за другим, но нигде не встречали поддержки и в конце концов оказались в «Красной Горке».

Таким образом, вечером 2 марта в Кронштадте установилась власть Временного Революционного Комитета.

3 марта вышел 1 номер «Известий» этого Комитета.

На первой странице газеты был опубликован своего рода манифест:

«К населению крепости и города Кронштадта.

Товарищи и граждане!

Наша страна переживает тяжелый момент. Голод, холод, хозяйственная разруха держат нас в тисках вот уже три года. Коммунистическая партия, правящая страной, оторвалась от масс и оказалась не в силах вывести ее из состояния общей разрухи. С теми волнениями, которые в последнее время происходили в Петрограде и Москве и которые достаточно ярко указали на то, что партия потеряла доверие рабочих масс, они не считались. Не считались и с теми требованиями, которые предъявлялись рабочими. Она считает их происками Контрреволюции. Она глубоко ошибается.

Эти волнения, эти требования — голос всего народа, всех трудящихся. Все рабочие, моряки и красноармейцы ясно в настоящий момент видят, что только общими усилиями, общей волей трудящихся можно дать стране хлеб, дрова, уголь, одеть разутых и раздетых и вывести республику из тупика. Эта воля всех трудящихся, красноармейцев и моряков определенно вылилась на гарнизонном митинге нашего города во вторник 1-го марта. На этом митинге единогласно была принята резолюция корабельных команд 1 и 2 бригад. В числе принятых решений было решено произвести немедленно пере выборы в Совет. Для проведения этих выборов на более справедливых основаниях, а именно так, чтобы в Совете нашло себе истинное представительство трудящихся, чтобы Совет стал деятельным и энергичным органом.

2 марта с. г. в Доме просвещения собрались делегаты всех морских, красноармейских и рабочих организаций. На этом собрании предполагалось выработать основание новых выборов с тем, чтобы затем приступить к мирной работе по переустройству Советского строя. Но ввиду того, что имелись основания бояться репрессий, а также вследствие угрожающих речей представителей власти, собрание решило образовать Временный Революционный Комитет, которому и передать все полномочия по управлению городом и крепостью.

Временный Комитет имеет пребывание на линейном корабле «Петропавловск».

Товарищи и граждане! Временный Комитет озабочен, чтобы не было пролито ни одной капли крови. Им приняты чрезвычайные меры по организации в городе и крепости и на фортах Революционного порядка.

Товарищи и граждане! Не прерывайте работ. Рабочие, оставайтесь у станков, моряки и красноармейцы — в своих частях и на фортах. Всем советским работникам и учреждениям продолжать свою работу. Временный Революционный Комитет призывает все рабочие организации, все морские и все профессиональные союзы, все морские и военные части и отдельных граждан оказать ему всемерную поддержку и помощь. Задача Временного Революционного Комитета — дружными и общими усилиями организовать в городе и крепости условия для правильных и справедливых выборов в новый Совет.

Итак, товарищи, к порядку, к спокойствию, к выдержке, к новому честному социалистическому строительству на благо всех трудящихся.

Кронштадт, 2 марта 1921 г.

Линейный корабль «Петропавловск»

Председатель Вр. Рев. Комитета *Петриченко*

Секретарь *Тукин*».

В этом же номере помещена принятая бригадами резолюция и несколько сообщений, в том числе следующее:

«К 9 часам вечера 2 сего марта к Временному Революционному Комитету присоединилось большинство фортов и все красноармейские части крепости. Все учреждения, Службы Связи заняты караулами Революционного Комитета».

Однако большевики не теряли ни минуты, готовя нападение на Кронштадт. С самого начала они поняли, что это движение может обернуться для них катастрофой. И решили удушить его любой ценой и как можно быстрее, пока оно не приняло большого размаха.

Для этого большевики использовали все возможные средства: 1) поспешили **обеспечить свое господство на важных стратегических пунктах вокруг Кронштадта и Петрограда, таких, как Красная Горка, Ораниенбаум, Лисий Нос и др.;** 2) **установили в Петрограде осадное положение и приняли чрезвычайные военные и полицейские меры для поддержания «порядка»;** 3) **пошли на ряд уступок — мы уже говорили об отмене «заграждений» вокруг бывшей столицы, — чтобы успокоить рабочих;** 4) **начали формировать специальный вооруженный корпус под командованием Троцкого для непосредственного нападения на Кронштадт;** 5) **развязали мощную кампанию лжи и клеветы против кронштадтцев с целью обмануть общественное мнение и оправдать свои действия**[19].

Эта оголтелая пропаганда началась уже 2 марта.

В № 2 «Известий» ВРК от 3 марта рядом с разнообразными заметками административного и хозяйственного характера мы читаем следующее сообщение:

«Московское радио.

Приводим нижеследующее, перехваченное радиостанцией на «Петропавловске», радио «Роста» из Москвы, полное наглой лжи и обмана со стороны коммунистической партии, именующей себя Советским Правительством.

Некоторые места не уловлены, так как мешала другая станция. Радио это не нуждается в комментариях. Трудящиеся Кронштадта поймут его провокационность.

Радио. Всем, всем, всем.

Радиовестник Роста Москва, 3 марта.

«На борьбу с белогвардейским заговором»

Что мятеж бывшего генерала Козловского и корабля «Петропавловск» подготовлялся шпионами Антанты, как и многие предыдущие белогвардейские восстания, видно из сообщения буржуазной французской газеты «Матен», которая двумя неделями раньше мятежа Козловского поместили телеграмму их Гельсингфорса следующего содержания: из Петрограда сообщают вследствие недавнего бунта в Кронштадте большевистские военные власти приняли целый ряд мер, чтобы изолировать Кронштадт, запретить доступ в Петроград красноармейцам и морякам Кронштадтского гарнизона.

Снабжение Кронштадта воспрещено впредь до особого распоряжения. Ясно, мятеж в Кронштадте направлялся Парижем... что тут замешана французская контрразведка: повторилась та же история. Эсеры, руководимые из того же Парижа, готовили почву для восстания против Советской власти, а как только они ее подготовили, сейчас за их спиной показался настоящий хозяин — царский генерал. История с Колчаком, восстанавливающим власть на спине эсеров, повторяется на сей раз. На голоде, холоде пытаются спекулировать все враги трудящихся, от царских генералов до эсеров включительно. Конечно, этот генеральско-эсеровский бунт будет очень быстро раздавлен, а генерал Козловский и его сподвижники подвергнутся участи Колчака.

Но шпионская сеть Антанты, несомненно, раскинута не только в одном Кронштадте. Рабочие и красноармейцы, разрывайте ту сеть, вылавливайте шептунов и провокаторов. Нужны хладнокровие, выдержка, бдительность, сплоченность. Помните, что из временных, хотя и тяжелых, продовольственных и топливных затруднений мы выйдем напряженным и дружным трудом, а не путем безумных выступлений, которые могут только еще более увеличить голод и сыграть на руку проклятым врагам трудящихся».

Всеми возможными средствами — в приказах, прокламациях, листовках, плакатах, газетных статьях, телеграфных сообщениях — правительство распространяло и навязывало эту

немыслимую ложь. Не будем забывать, что оно располагало всеми средствами массовой информации и пропаганды, ни один свободный голос не мог быть услышан.

В 4 номере «Известий» ВРК от 6 марта читаем:

«Трусы и клеветники.

Ниже мы приводим дословно текст прокламации, разбросанной по Кронштадту аэропланом коммунистов.

С полным презрением отнесутся граждане к этой провокационной клевете.

Они знают, что во главе Временного Революц. Ком. стали выборные самоотверженные страстотерпцы, лучшие сыны трудового народа: красноармейцы, матросы и рабочие.

Они никому не позволят сесть себе на шею, а тем более царским генералам или белогвардейцам.

«Пройдет еще несколько часов, и вы вынуждены будете сдаваться», — угрожают коммунисты.

Презренные лицемеры! Кого вы хотите обмануть?

Кронштадтский гарнизон не сдавался царским адмиралам, не сдастся он большевистским генералам.

Не лгите, трусы, и не обманывайте народ! Вы знаете нашу силу и нашу готовность либо победить, либо с честью умереть, а не удирать, как ваши комиссары, нагруженные «царскими» деньгами и добытым кровью рабочих золотом».

А вот что передавала московская радиостанция (текст перепечатан в «Известиях» к сведению читателей):

«К обманутым Кронштадтцам.

Теперь вы видите, куда вели вас негодяи? Достукались! Из-за спины эсеров и меньшевиков уже выглянули оскаленные зубы бывших царских генералов. Всех этих Петриченков и Тукиных[20] дергают как плясунов за ниточку царский генерал Козловский, капитал Бурксер, Костромитинов, Ширкановский и другие заведомые белогвардейцы. Вас обманывают! Вам говорили, что вы беретесь за «демократию». Не прошло и двух дней — вы видите: на самом деле вы боретесь не за демократию, а за царских генералов, вы посадили себе на шею нового Вирена[21].

Вам рассказывают сказки, будто за вас стоит Петроград, будто вас поддерживает Сибирь и Украина. Все это наглая ложь! В Петрограде от вас отвернулся последний моряк, когда стало известно, что среди вас орудут царские генералы Козловские. Сибирь и Украина крепко стоят за Советскую власть. Красный Петроград смеется над жалкими потугами кучки

эсеров и белогвардейцев.

Вы окружены со всех сторон. Пройдет еще несколько часов, и вы вынуждены будете сдаваться. У Кронштадта нет хлеба, нет топлива. Все эти генералы Козловские и Бурксеры, все эти негодяи Петриченки и Тукины в последнюю минуту убегут, конечно, к белогвардейцам в Финляндию. А вы, обманутые рядовые моряки и красноармейцы, — куда денетесь вы? Если вам обещают, что вас в Финляндии будут кормить, то вас обманывают! Разве вы не слышали, как бывших Врангелевцев увезли в Константинополь и как они там тысячами умирали как мухи от голода и болезней? Такая же участь ожидает и вас, если вы не опомнитесь сейчас же.

Сдавайтесь сейчас же, не теряя ни минуты!

Складывайте оружие и переходите к нам!

Разоружайте и арестовывайте преступных главарей, в особенности царских генералов!

Кто сдастся немедленно — тому будет прощена его вина.

Сдавайтесь немедленно!

Комитет обороны Петрограда».

Подобные инсинуации содержатся и в другой радиограмме, отправленной на этот раз Петроградским Советом, текст которой опубликован в том же номере «Известий» со следующим кратким предисловием:

«Принятое радиостанцией «Петропавловска» нижеследующее радио еще раз подтверждает, что коммунисты продолжают обманывать не только рабочих и красноармейцев, но и членов Петросовета.

Но обмануть революционный гарнизон Кронштадта и его рабочих им не удастся».

Наконец, 5-й номер «Известий» от 7 марта приводит новую и очень длинную радиограмму из Москвы.

Газета комментирует ее в заметке, озаглавленной «Продолжают клеветать», и опровергает большевистские инсинуации в следующих выражениях:

«Здесь, оказывается, работают, как старается убедить радиовестник «Роста», и Антанта, и французские шпионы, и белогвардейцы, и царские генералы, и меньшевики, и эсеры, и эстонская буржуазия, и финляндские банкиры, и Антантовская контрразведка, словом, весь мир ополчился на бедных коммунистов.

Мало того, они уверяют петроградских рабочих, что «французские агенты и бывшие царские офицеры пробрались в Кронштадт и посредством золота развращали несознательные элементы».

Вот, подите же, а мы, кронштадтцы, об этом ничего и не знали!

А на случай, если бы эти «факты» не убедили питерских рабочих, «Роста» сообщает такие ужасы: «Как раз в данный момент, когда в Америке вступает в управление новое Республиканское правительство, обнаруживается склонность вступить с Советской Россией в торговые соглашения, распространение провокационных слухов и инсценировка беспорядков в Кронштадте явно клонятся к тому, чтобы повлиять на нового американского президента и воспрепятствовать изменению американской политики относительно России. В это же время заседает Лондонская конференция, и те же провокационные слухи должны подействовать на турецкую делегацию, чтобы сделать ее послушной требованиям Антанты».

Вот до чего договорились растерявшиеся от неожиданного удара коммунисты: французские агенты привезли в Кронштадт золото для того, чтобы повлиять на американского президента и уступчивость турецкой делегации!

До чего смехотворен этот документ коммунистической глупости, что ниже мы его приводим полностью.

Это доставит кронштадтцам несколько веселых минут».

Сама радиограмма слишком длинна, чтобы цитировать ее целиком. Ограничимся несколькими типичными пассажами:

«2-го марта «Совет труда и обороны» постановил бывшего генерала Козловского и его сподвижников объявить вне закона, г. Петроград и Петроградскую губернию объявить на военном положении и всю полноту власти передать в Петроградском укрепленном районе Комитету обороны г. Петрограда [...].

Весь гарнизон Красной Горки проклиняет мятежников и рвется в бой.

В Петрограде полное спокойствие, и даже те немногие заводы, где прежде происходили собрания с нападениями отдельных лиц на Советскую власть, увидели провокацию и поняли, куда их толкают агенты Антанты и контрреволюции [...][22].

Выступление, произошедшее на «Петропавловске», является, несомненно, лишь составной частью грандиозного провокационного плана, который, кроме создания для Советской России внутренних затруднений, должен расшатать ее международное положение.

Перед нами в данном случае провокационная работа мировой реакции Антантовских биржевиков, работающих по указке Антантовских контрразведок.

В России же главной фигурой, проводящей эту политику, является царский генерал и бывшие офицеры, которых деятельность поддерживают меньшевики и эсеры».

Во всех этих документах постоянно упоминается некий генерал Козловский, якобы подлинный лидер движения.

Действительно, в Кронштадте в то время находился бывший царский генерал по фамилии Козловский. *Его направил туда как специалиста по артиллерии не кто иной, как Троцкий, привлекавший многих бывших царских офицеров в качестве военспецов на службу в Красной Армии.* Поскольку этот деятель служил большевикам, они закрывали глаза на его прошлое. Но как только Кронштадт восстал, они воспользовались своим «спецом», превратив его в жупел.

Этот Козловский не играл никакой роли в кронштадтских событиях, так же как и его помощники, упоминаемые большевиками — Бурксер, Костромитинов и Ширкановский, один из которых вообще был простым чертежником. Но большевики ловко эксплуатировали их имена, чтобы осудить матросов как врагов Республики и представить их движение контрреволюционным. На все заводы и мастерские Петрограда и Москвы отправились агитаторы-коммунисты с призывами к пролетариату выступить против Кронштадта, «этого гнезда белогвардейских заговорщиков, руководимых генералом Козловским», и «поддержать, защитить рабоче-крестьянское правительство от кронштадтского белогвардейского мятежа».

Самому Козловскому оставалось лишь изумляться, когда он узнал, какую роль в событиях отводили ему большевики. Позднее он рассказывал, что комендант крепости, коммунист, бежал сразу же после создания Временного Революционного Комитета. Согласно уставу, его должен был заменить командующий артиллерией — а именно Козловский. Но поскольку с уставом этим больше не считались и на смену власти коммунистов пришел ВРК, Козловский отказался занять положенный ему пост. Тогда ВРК назначил **комендантом крепости другого военспеца, некого Соловьянова. Что же касается Козловского, то ему поручили руководить техническими службами артиллерии. Его помощники, личности ничем не примечательные, также не принимали никакого участия в движении**[23].

Ирония истории: силами, направленными на подавление Кронштадта, по приказу Троцкого был назначен командовать бывший царский офицер, знаменитый Тухачевский (расстрелянный впоследствии по распоряжению Сталина). Более того: все видные царские военспецы, перешедшие на службу большевикам, приняли участие в разработке плана осады и взятия Кронштадта. **А кронштадтцы, цинично оклеветанные противниками, имели в своем распоряжении в качестве военных и технических специалистов лишь бесцветного Козловского да еще трех-четыре человек, ничего из себя не представлявших с политической точки зрения**[24].

Кронштадтское движение началось стихийно. Если бы оно развивалось согласно заранее разработанному плану, то не развернулось бы в начале марта, в самый неблагоприятный момент. Действительно, спустя несколько недель, когда стоял лед, Кронштадт стал бы почти неприступной крепостью, располагавшей мощным флотом, и мог бы серьезно угрожать Петрограду. Получая снабжение извне, ему удалось бы не только очень долго продержаться, но и, возможно, одержать победу. Именно стихийность движения и отсутствие всякой подготовки, всякого расчета в действиях матросов дали шанс правительству большевиков.

В Кронштадте не произошел «мятеж» в прямом смысле слова. Началось стихийное и мирное движение, совершенно естественное и законное в сложившихся обстоятельствах, которое быстро охватило весь город, гарнизон и флот.

Опасаясь потерять власть, посты и привилегии, большевики ускорили события и вынудили Кронштадт взяться за оружие.

Разумеется, Кронштадт по возможности отвечал на большевистские инсинуации и клевету.

Через свою газету и радио ВРК сообщал трудящимся массам России и мира о подлинных целях и стремлениях движения, одновременно опровергая ложь коммунистического правительства.

Так, в № 4 от 6 марта перепечатывалось радиосообщение ВРК:

«Всем-всем-всем.

Товарищи рабочие, красноармейцы и матросы!

Мы здесь, в Кронштадте, отлично знаем, как вы и ваши полуголодные дети и жены страдают [под] гнетом диктатуры коммунистов. Мы свергли у себя коммунистический Совет, и временный революционный Комитет на днях приступает к выборам нового Совета, который, свободно избранный, будет отражать волю трудового населения и гарнизона...

Подтасованные, захваченные Коммунистической партией Советы всегда были глухи к нашим требованиям и нуждам, и мы в ответ получали лишь расстрелы. Сейчас, когда пришел предел терпению трудящихся, вам хотят заткнуть рты подачками. Распоряжением Зиновьева в Петроградской губернии снимаются заградительные отряды. Москва ассигнует десять миллионов золотом на закупки за границей продовольствия и предметов первой необходимости, но мы знаем, что этими подачками не купить питерский пролетариат. И мы через головы коммунистов протягиваем Вам руку братской помощи из революционного Кронштадта.

Товарищи! Вас не только обманывают, но умышленно заменяют правду, прибегая к подлой клевете. Товарищи, не поддавайтесь. В Кронштадте вся полнота власти в руках только революционных матросов, красноармейцев и рабочих, а не белогвардейцев с каким-то генералом Козловским во главе, как уверяет Вас клеветническое радио из Москвы.

Не медлите, товарищи, присоединяйтесь, вступите в прочную связь с нами.

Требуйте пропуска в Кронштадт для своих беспартийных представителей. Только они скажут Вам всю правду и рассеют провокационные слухи о финляндском хлебе и поисках Антанты.

Да здравствует революционный пролетариат и крестьянство!..

Да здравствует власть свободно избранных Советов!»

В № 10 от 12 марта читаем следующее:

«Наши генералы.

Коммунисты распространяют слухи о том, что в составе Временного Революционного Комитета находятся белогвардейские генералы, офицеры и поп.

Чтобы раз [и] навсегда покончить с этим, доводим до их сведения, что комитет состоит из следующих пятнадцати членов:

1. *Петриченко* — старший писарь линкора «Петропавловск».
2. *Яковенко* — телефонист Кроншт. района службы связи.
3. *Ососов* — машинист линкора «Севастополь».
4. *Архипов* — машинный старшина.
5. *Перепелкин* — гальванер линкора «Севастополь».
6. *Патрушев* — старшина-гальванер, «Петропавловск».
7. *Куполов* — старший лекарский помощник.
8. *Вершинин* — строевой линкора «Севастополь».
9. *Тукин* — мастерской электромеханического завода.
10. *Романенко* — содержатель аварийных доков.
11. *Орешин* — заведующий 3-й трудовой школой.
12. *Вальк* — мастер лесопильного завода.
13. *Павлов* — рабочий минных мастерских.
14. *Байков* — заведующий Обозом Управления Строительства Крепости.
15. *Кильгаст* — штурман дальнего плавания».

Перепечатывая тот же список в № 12 от 14 марта, газета завершает его ироническим замечанием:

«Вот наши генералы: Брусиловы, Каменевы и пр[25].

Жандармы Троцкий и Зиновьев скрывают от вас правду».

В своей клеветнической кампании большевики стремились извратить не только дух и цели движения, но и действия кронштадцев.

Так, они распространили слух, что кронштадтские коммунисты терпят разного рода притеснения со стороны «мятежников»[26].

В № 2 «Известий» от 4 марта напечатана следующая заметка:

«Временный революционный комитет считает необходимым опровергнуть всякие слухи о том, что арестованным коммунистам чинится насилие.

Арестованные коммунисты находятся в полной безопасности.

Многие из них арестовывались и частью потом освобождались.

В комиссию по расследованию причин ареста коммунистов войдет представитель Коммунистической партии. Явившимся в революционный комитет тт. Ильину, Кабанову и Первушину было предоставлено право видеть находящихся под арестом на «Петропавловске», и они лично своими подписями подтверждают вышеуказанное.

Ильин, Кабанов, Первушин

С подлинным верно: *Н. Архипов, член революционного комитета*

Секретарь — *П. Богданов*».

В том же втором номере за подписью этих коммунистов опубликовано «Обращение временного бюро Кронштадтской организации РКП»[27]. По понятным причинам «Обращение» это составлено в осторожных и неопределенных выражениях. Однако в нем можно прочесть следующее:

«Не верьте вздорным слухам, пускаемым явно провокаторским элементом, желающим вызвать кровопролитие, что якобы ответственные коммунисты расстреливаются и что коммунисты готовятся к вооруженному выступлению в Кронштадте.

Это ложь и вздор, и на этом хотят сыграть агенты Антанты, добивающиеся свержения власти Советов [...].

Временное бюро РКП признает необходимость перевыборов Совета и призывает членов РКП принять участие в этих перевыборах.

Временное бюро РКП [призывает] всех членов партии быть на своих местах и не чинить никаких препятствий мероприятиям, проводимым Временным революционным комитетом.

Временное бюро Крон. Орг. РКП:

Я. Ильин, Ф. Первушин, А Кабанов»

Время от времени в газете появлялись заметки, озаглавленные «Как они лгут».

В № 7 от 9 марта мы читаем:

«Командующий армией, оперирующей против Кронштадта, Тухачевский, сообщает сотруднику «Красного командира»: «Нами получены сведения, что гражданское население Кронштадта не получает продовольствия почти совсем».

— Стоящий в Кронштадте стрелковый полк отказался присоединиться к мятежникам и не позволил себя разоружить.

— Главные зачинщики мятежа собираются во Францию.

— Бежавший из Кронштадта беспартийный матрос передает, что 4 марта на митинге матросов в Кронштадте выступил генерал Козловский. В своей речи он требовал твердой власти и решительных действий против сторонников Советов.

— Настроение в Кронштадте подавленное. Массы населения с нетерпением ждут конца мятежа и требуют выдать белогвардейских руководителей советскому правительству.

Вот что пишут коммунисты о наших событиях. Вот к каким средствам они прибегают, чтобы очернить наше движение перед трудовым народом и тем самым продлить хотя бы на час свое существование».

В № 12 от 14 марта:

«Как они лгут.

Приводим дословный ряд заметок, напечатанных в «Петроградской правде» в номере от 11 марта.

В Кронштадте междоусобица. Комитетом обороны в 8 часов вечера получено из Ораниенбаума от командующего армией тов. Тухачевского следующее сообщение. «В Кронштадте слышна сильная ружейная и пулеметная стрельба. Из Ораниенбаума видны в бинокль цепи, наступающие из Кронштадта по направлению к минно-плавильным мастерским, расположенным несколько северо-восточнее форта «Константин». Наступление ведется, по-видимому, или против форта «Константин», или против отдельных частей, восставших против кронштадтских белогвардейцев, укрепившихся в районе минно-плавильных мастерских».

Пожар в Кронштадте.

Во время захвата нами N форта был замечен сильный пожар в Кронштадте. Город был окутан густым дымом.

Наступление курсантов. 8 марта один из отрядов курсантов повел наступление на один из фортов, расположенных на северной стороне Кронштадта. Курсанты, то увязая по колена в снег, то шлепая по воде, покрывающей местами лед, смело и решительно шли вперед. Впереди комсостав, комиссары и коммунисты. Огонь с фортов не мог остановить наступающих, несмотря на ожесточенный пулеметный и артиллерийский огонь со стороны соседних фортов. Форт был взят так стремительно и неожиданно для его защитников, что те покинули форт, оставив в целости заряженные орудия и недоеденный обед. Во время овладения нами тремя фортами мятежников на одном из них было захвачено большое количество пироксилина, 30 ящиков снарядов и другое военное имущество.

Еще о руководителях и вдохновителях мятежа.

Один из перебежчиков, ушедших из Кронштадта в ночь на 7 марта, сообщает о настроениях и поведении белогвардейских офицеров следующее.

Настроены они весьма «игриво». Их не беспокоит, конечно, что они затеяли кровавое дело. Они мечтают о тех благах, которые выпадут на их долю в случае овладения Петроградом. «Возьмем Петроград — не меньше как по полпуда золота на рыло получим. Не выгорит — уйдем в Финляндию, тем нас с удовольствием примут», — заявляют эти господа.

Чувствуют они себя господами положения и в действительности таковыми являются. Ведут себя с «вольными моряками» как в старое, царское время. «Тон настоящий командирский, совсем не так, как при коммунистах», — говорят по этому поводу матросы. Не хватает только золотых погон.

Сообщаем к сведению белогвардейских офицеров: сбежать в Финляндию им едва ли удастся, а вместо золота они получают на каждого по хорошей порции свинца.

А «Красная газета» сообщает:

Прибывшие в Ревель два матроса передают, что в Кронштадте убито 150 большевиков.

Ораниенбаум. Удачными попаданиями нашей артиллерией разрушен склад с провиантом.

Ораниенбаум. Матросы на кораблях изолированы от берега и зажимаются белым офицерством. Усиленно распространяются по городу печатаемые по несколько раз в день, на различный лад, извещения о приближающейся помощи.

Еще лучше приводимое сообщение «Маховика».

Союзом печатников в ответ на подарки, отвезенные работницами, членами союза, для товарищей красноармейцев, защищающих питерских пролетариев от белогвардейских авантюристов, получено следующее письмо:

В союз печатников.

Всемерное спасибо вам за подарки нашим красным частям, взявшим уже сегодня три форта. Шлю привет от имени всех их. Сегодня было горячо. Думаем, что завтра все будет ликвидировано.

Горячий привет всем союзам.

Секретарь Политотдела боевого участка

Дурмашкин

9/III-21 г.

Так пишется история. Так коммунисты клеветой и обманом думают скрыть правду от народа».

В № 13 от 15 марта:

«Как они лгут.

«Красная газета» в № от 12 марта сообщает:

— Ораниенбаум, 11. Подтверждаются сведения, что в Кронштадте бунт моряков.

— Ораниенбаум, 12. Вчера днем замечены отдельные люди, перебивавшиеся по льду от Кронштадта на Финский берег. Замечено также, что из Финляндии также были переходы в Кронштадт. Все это указывает на несомненную связь с Финляндией.

— Ораниенбаум, 12. Красные летчики, поднимавшиеся вчера над Кронштадтом, сообщают, что на улицах там людей почти не видно. Охраны и связи нет. Связи с Финляндией также не видно.

— Ораниенбаум, 11. Перебежчики из Кронштадта сообщают, что настроение среди матросов подавленное. Доверие к матросам со стороны руководителей мятежа настолько пало, что к обслуживанию артиллерии они больше не допускаются. Артиллерия обслуживается исключительно офицерами, в руках которых и находится действительная власть. Матросы почти отовсюду устранены.

Перестрелка в Кронштадте.

По полученным сегодня сообщениям, в Кронштадте происходит частая ружейная и пулеметная стрельба, что дает основание думать, что в Кронштадте восстание».

Лживо обвиняя кронштадцев в эксцессах и насилии, сами большевики прибегали к ним самым отвратительным образом.

«Три дня, как Кронштадт сбросил с себя кошмарную власть коммунистов, как 4 года тому назад сбросил власть царя и царских генералов.

Три дня, как граждане Кронштадта свободно вздохнули от диктатуры партии.

«Вожди» кронштадтских коммунистов позорно, как провинившиеся мальчишки, бежали, спасая собственную шкуру, из опасения, что Временный Революционный Комитет прибегнет к излюбленному методу чрезвычайек — расстрелу.

Напрасные страхи.

Временный Революционный Комитет не мстит, никому не угрожает.

Все кронштадтские коммунисты на свободе, и им не угрожает никакая опасность. Задержаны только те, кто пытался бежать и был перехвачен патрулями.

Но и они находятся в полной безопасности, в безопасности, которая гарантирует их от мести со стороны населения за «красный террор».

Семьи коммунистов неприкосновенны также, как неприкосновенны и все граждане.

Как же ответили на это коммунисты? Из листовки, сброшенной ими вчера с аэроплана, видно, что в Петрограде арестован ряд лиц, совершенно не причастных к кронштадтским событиям.

Мало того: арестованы их семьи.

«Комитет обороны, — говорится в листовке, — объявляет этих арестованных заложниками за тех товарищей, которые задержаны мятежниками в Кронштадте, в особенности за комиссара Балтфлота Н. Н. Кузьмина, за председателя Кронштадтского Совета т. Васильева и других коммунистов.

Если хоть один волос упадет с головы задержанных товарищей, за это ответят головой названные заложники».

Так заканчивает свою прокламацию Комитет обороны.

Это злоба бессильных...

Издевательство над невинными семьями не прибавит новых лавров товарищам коммунистам и уж, во всяком случае, не этим путем они удержат власть, вырванную из рук рабочими, матросами и красноармейцами Кронштадта».

Кронштадт ответил на это следующей радиограммой, приведенной в № 5 «Известий» от 7 марта:

«От имени Кронштадтского гарнизона Временный Революционный Комитет Кронштадта требует освободить в 24 часа все семьи рабочих, красноармейцев и матросов, которые Петросоветом заключены как заложники.

Кронштадтский гарнизон говорит, что в Кронштадте коммунисты пользуются полнейшей свободой, а их семьи абсолютной неприкосновенностью, и брать пример у Петросовета не желает, так как считает, что такой прием, хотя бы и в отчаянной злобе, — самый позорный и подлый во всех отношениях. Таких приемов история еще не видела.

Председатель ВРК, моряк *Петриченко*

Секретарь *Кильгаст*».

Комитет обороны свирепствовал в Петрограде, наводненном прибывшими из провинции войсками. В городе, находившемся «на осадном положении», царил террор.

Комитет принимал систематические меры для «очистки» города. Многие рабочие, солдаты и моряки, заподозренные в сочувствии Кронштадту, были брошены в тюрьмы. Всех петроградских матросов и некоторые военные части, считавшиеся «политически неблагонадежными», отослали в отдаленные районы.

Комитет под руководством Зиновьева полностью контролировал город и Петроградскую губернию. В области было объявлено военное положение, собрания запрещены. Для обороны правительственных учреждений приняли чрезвычайные меры, в гостинице «Астория», занятой Зиновьевым и другими высокопоставленными большевиками, установили пулеметы.

Обстановка в Петрограде была нервная. Происходили новые забастовки, распространялись упорные слухи о волнениях рабочих в Москве и сельских мятежах на востоке страны и в Сибири.

Население, которое не могло доверять прессе, жадно ловило самые преувеличенные слухи, даже заведомо ложные. Все взгляды были прикованы к Кронштадту в ожидании важных событий.

Тем временем расклеенные по стенам предписания требовали немедленного возвращения бастующих на заводы, запрещали стачки и уличные собрания. «В случае сборищ, — гласили они, — войска прибегнут к оружию, а в случае сопротивления им дан приказ стрелять на поражение».

Петроград не мог выступить. Вынужденная молчать, превращенная в царство террора бывшая столица лишала Кронштадт всякой надежды.

С первых дней движения Кронштадт приступил к организации своей жизни, развил бурную и лихорадочную активность. Огромные задачи требовали срочного решения. Нужно было разрешать множество проблем одновременно.

Временный Революционный Комитет, заседавший поначалу на борту «Петропавловска», вскоре переместился в «Народный Дом», в центр Кронштадта, чтобы, как писали его «Известия», находится в «более последовательном контакте с населением».

С другой стороны, число его членов — в начале только пять человек — было сочтено недостаточным для выполнения насущных задач, и его довели до пятнадцати человек.

В № 3 от 5 марта «Известия» опубликовали отчет о первых действиях Комитета:

«Победить или умереть».

Вчера, 4-го марта, в 6 часов вечера в Гарнизонном клубе состоялось собрание делегатов от воинских частей гарнизона и профсоюзов для довыборов состава ВРК, заслушания докладов с мест по текущему моменту и др.

На собрание прибыло 202 делегата: большая часть их явилась прямо с работы.

Председатель собрания матрос Петриченко доложил, что Вр. Рев. Комитет переобременен работой, и необходимо влить в него новые силы.

К пяти членам нынешнего состава Комитета требуется добавить, по меньшей мере, еще десять человек.

Подавляющим большинством голосов из предложенных двадцати кандидатов собрание избирает следующих товарищей: Вершинина, Перепелкина, Куполова, Ососова, Валька, Романенко, Павлова, Байкова, Патрушева и Кильгаста.

По избрании новые члены Комитета заняли места в президиуме.

Затем собрание заслушало подробный доклад председателя Вр. Рев. Комитета матроса Петриченко о деятельности Комитета с момента избрания его до вчерашнего дня.

Тов. Петриченко подчеркнул полную боевую готовность всего гарнизона крепости и кораблей и тот энтузиазм, которым объята все вместе и каждый в отдельности, от рабочего до красноармейца и матроса.

Собрание бурными аплодисментами приветствовало вновь избранных членов Комитета и заключительные слова председателя.

Переходя к деловой статье, собрание выдвинуло, в первую очередь, вопросы продовольствия и топливный.

Выяснилось, что город и гарнизон вполне обеспечены как продовольствием, так и топливом.

По вопросу о вооружении рабочих собрание при шумных одобрениях самих рабочих и возгласах «Победим или умрем» постановляет: поголовное вооружение рабочих масс, которым поручить внутреннюю охрану города, так как матросы и красноармейцы рвутся на активную работу в боевых отрядах.

Далее решено в трехдневный срок переизбрать правления всех союзов, а также совет союзов, который явится руководящим органом рабочих и будет находиться в постоянном контакте с Временным Революц. Комитетом.

Затем с информационными докладами с мест выступили тов. матросы, с большим риском прорвавшиеся в Кронштадт из Петрограда, Стрельны, Петергофа и Ораниенбаума.

Из их сообщений видно, что население и рабочие этих городов держатся коммунистами в полном неосведомлении о том, что делается в Кронштадте.

Распускаются провокационные слухи, что в Кронштадте орудует шайка каких-то белогвардейцев и генералов.

Последнее сообщение вызвало общий смех матросов и рабочих собрания.

Еще в более веселое настроение пришло собрание во время чтения «коммунистического манифеста», разбросанного в Кронштадте аэропланом.

— У нас есть один генерал — комиссар Балтфлота Кузьмин, да и тот арестован, — раздалось в задних рядах.

Собрание закончилось рядом приветствий, пожеланий, выражением полной и единодушной готовности — победить или умереть».

Но активную деятельность развили не только Комитет и созданные им органы: *все население Кронштадта жило напряженной жизнью* и энергично участвовало в деле нового строительства. Революционный энтузиазм можно было сравнить с октябрьскими днями. Впервые с тех пор, как коммунистическая партия встала во главе Революции, *Кронштадт чувствовал себя свободным*. Дух солидарности и братства объединил моряков, солдат гарнизона, рабочих и всех остальных в служении общему делу.

Даже коммунисты оказались подвержены братским чувствам, охватившим весь город. Они участвовали в подготовке выборов в Кронштадтский Совет.

Многочисленные статьи в «Известиях» свидетельствуют об общем энтузиазме, охватившем массы, как только они поняли, что свободные Советы — подлинный путь освобождения, дающий надежду на реальное завершение Революции.

В газете приведены множество заметок, резолюций, призывов всякого рода, исходивших как от отдельных граждан, так и от различных групп и организаций, — исполненных энтузиазмом, чувством солидарности, преданностью, жаждой действий, стремлением приносить пользу, участвовать в общем деле.

Был установлен принцип: «Равные права для всех, никаких привилегий». Он строго соблюдался.

Продовольствие распределялось поровну. Матросы, которые при большевиках получали значительно больше рабочих, согласились уравнивать свои пайки с рабочими и другими гражданами. Улучшенное, особое питание предназначалось лишь больным и детям.

Мы писали, что этот общий порыв охватил и коммунистов. Он изменил позиции многих из них.

На страницах «Известий» было опубликовано немало заявлений коммунистических групп и организаций Кронштадта с осуждением поведения центрального правительства и одобрением действий Временного Революционного Комитета.

Более того, значительное число кронштадтских коммунистов публично объявило о своем выходе из партии. В «Известиях» публиковались списки коммунистов, которым совесть не позволяла больше оставаться в партии «палача Троцкого», как выражались некоторые из них. Вскоре этих заявлений стало так много, что газета, за неимением места, стала публиковать их группами. Создавалось впечатление общего исхода.

Несколько писем, взятых наугад из общего числа, дают достаточно полную картину этих весьма показательных перемен.

Вот некоторые из них:

«Признавая, что политика коммунистической партии завела страну в безвыходный тупик — так как партия обюрократилась, ничему не научилась, не хотела учиться и прислушиваться к голосу масс, которым она пыталась навязать свою волю, — вспомним, хотя бы, стопятнадцатимиллионное крестьянство, — что свобода слова, расширенное призывание к строительству страны посредством изменения избирательных приемов выведет страну из спячки, всецело присоединяются в настоящий критический момент, когда будущее начатого Революционным Советом переустройство России зависит только от его бдительности и энергии, не считаю себя больше членом Р. К. П. и всецело присоединяюсь к резолюции, принятой на общегородском митинге 1-го марта и прошу располагать моими силами и знаниями.

Настоящее прошу опубликовать в местной газете.

Сын политического ссыльного по делу 193-х,

красный командир *Герман Канаев*».

«Товарищи рядовые коммунисты, осмотритесь кругом и вы увидите, что мы зашли в страшное болото. В это болото нас завела та небольшая кучка коммунистов, которые под маской коммунистов свили себе теплые гнезда в нашей Республике.

Я, как коммунист, призываю вас: гоните прочь от себя тех лжекоммунистов, которые толкают вас на братоубийство. Мы, рядовые коммунисты, ни в чем не виновные, терпим упреки от наших товарищей рабочих и крестьян беспартийных из-за них. Я с ужасом смотрю на создавшееся положение.

Неужели будет пролита кровь наших братьев из-за интересов тех коммунистов-бюрократов? Товарищи, опомнитесь и не поддавайтесь провокации этих бюрократов-коммунистов, которые толкают нас на бойню, а гоните их в шею, ибо истинный коммунист не должен навязывать свою идею, а идти рука об руку со всей трудовой массой.

Член Р. К. П. (больш.)

Рожкали».

«В виду того, что в ответ на предложение тов. кронштадтцев прислать делегацию из Петрограда Троцкий и верхи коммунизма послали первые снаряды и тем пролили кровь, — прошу меня с сегодняшнего дня не считать членом Р. К. П. Речи коммунистических ораторов затуманили мне голову, но сегодняшний прием бюрократов-коммунистов освежил ее.

Это заявление прошу огласить в печати, а также прошу команду принять меня в свою тесную семью, чтобы с ней делить горе и радость.

Благодарю бюрократов-коммунистов за то, что они открыли свое лицо и тем самым вывели меня из заблуждения. В их руках я был слепым орудием.

Быв. Член Р. К. П. № 537.575

Андрей Браташев».

«Признавая наше положение критическим от действия наглой кучки коммунистов, свивших себе прочное гнездо в верху коммунистической партии, и входя в партию коммунистов под давлением, как рядовой работник, — я с ужасом смотрю на плоды дел их рук. Доведенную до разорения страну может восстановить только рабочий и крестьянин, которых партия коммунистов, как правящая, ощипала до последнего пера. Поэтому я выхожу из партии и отдаю свои знания на защиту трудящейся массы.

Команд. 5 бат. 4 дивиз.

Л. Королев».

«Товарищи ученики мои трудовых, красноармейских школ!

Тридцать почти лет я жила глубокою любовью к народу, несла свет и знание, как умела, всюду, где его ждали и где было нужно до настоящей минуты.

Революция 1917 г., давшая простор моей работе, увеличила мои силы, и я с большой энергией продолжала служить своему идеалу.

Коммунистическое учение с его девизом «Все для народа» захватило меня своею чистотою и красотой, и в феврале 1920 г. я вступила кандидаткою в Р. К. П., но при первом выстреле по мирному населению, по моим горячо любимым детям, коих в Кронштадте около 6 или 7 тысяч, я содрогнулась от мысли, что я могу считаться соучастницей в проливаемой крови невинных жертв; я почувствовала, что верить и исповедовать то, что опозорило себя зверским поступком, я не в силах, а потому с этим первым выстрелом я перестала считать себя кандидаткою Р. К. П.

Учительница Мария Николаевна Шатель».

«В виду того, что в ответ на предложение тов. кронштадцев прислать делегацию из Петрограда Троцкий прислал аэроплан, наполненный бомбами, которые и начали сбрасываться на ни в чем не повинных женщин и детей, причем жертвой их чуть не был мальчик 13 лет, а также и потому, что повсюду свирепствуют расстрелы честных рабочих, мы, рядовые коммунисты Электрической части 3-го района, бесконечно возмущенные действиями Троцкого и его приспешников, их зверскими поступками, выходим из партии коммунистов и присоединяемся ко всем честным рабочим для совместной борьбы за освобождение трудящихся от гнета. Просим считать нас беспартийными.

17 подписей».

«Работая в течение трех лет в Кронштадте в качестве преподавателя трудовой школы, также занимаясь в красноармейских и морских частях, я честно нога в ногу шел с трудящимися свободного Кронштадта, отдавая им все силы на ниве народного

просвещения. Широкий взмах просветительной волны, брошенный коммунизмом, классовая борьба трудящихся с эксплуататорами, Советское строительство вовлекли меня в партию коммунистов, кандидатом которой я состою с 1 февраля 1920 г. За время пребывания в партии передо мною открылся целый ряд существенных недочетов среди верхов партии, обрызгавших грязью красивую идею коммунизма. Среди последних отталкивающие действовали на массы бюрократизм, оторванность от масс, диктаторство, большое количество так назыв. «примазавшихся» карьеристов и т. п. Все эти явления порождали глубокую пропасть между массой и партией, превращая последнюю в бессильную организацию по борьбе с внутренней разрухой страны.

Настоящий момент открыл глаза на самое ужасное. Когда многотысячное население Кронштадта предъявило ряд справедливых требований к «защитникам интересов трудящихся», обюрократившиеся верхи Р. К. П. отвергли их и вместо свободного сговора с трудящимися г. Кронштадта открыли братоубийственный огонь по рабочим, морякам и красноармейцам революционного города. Мало того, метание бомб с аэропланов в беззащитных женщин и детей Кронштадта вплело еще один из новых шипов в венец коммунистической партии.

Не желая являться сторонником варварских поступков тов. коммунистов, а также не разделяя тактики «верхов», вызвавших кровопролитие и большие бедствия народных масс, открыто заявляю перед Вр. Революционным Комитетом, что с момента первого выстрела по Кронштадту я не считаю себя больше кандидатом Р. К. П., а всецело присоединяюсь к лозунгу, выдвинутому трудящимися Кронштадта: «Вся власть Советам, а не партиям!»

Преподаватель 2-й трудшколы

Т. Денисов».

«Власть коммунистической партии, потерявшая доверие трудящихся масс, без всякого насилия и крови перешла в руки революционных трудовых масс Кронштадта. Тем не менее Центральная власть блокирует Кронштадт и рассылает провокационные радио и прокламации, пытаясь голодом, холодом и предательством — силой навязать свою власть. Считаю такую политику изменой основному лозунгу социальной революции — «вся власть трудящимся», — правящие коммунисты ставят себя в ряды врагов всех трудящихся. Выход один: стоять до конца на своем посту и беспощадно бороться со всеми, кто попытается силой, предательством или провокацией навязать свою власть трудящимся массам. С партией порываем всякую связь.

Бывш. Члены Р. К. П.

Милорадович, Безсонов, Марков.

Ф. «Тотлебен»

«Находя крайне возмутительной обстановку, к коей прибег властелин Троцкий, обагрив ее кровью своих же братьев рабочих, считаю своим нравственным долгом выйти из партии, о чем прошу огласить в печати.

Кандидат партии,

Председатель Союза строительных рабочих

В. Грабежев».

Наконец, несколько показательных отрывков из заявлений того же рода. Они дают ясное представление о состоянии умов всех слоев населения:

«Партии увлеклись политикой, в то время как с окончанием Гражданской войны от нее требовалось только направить работу в русло экономической жизни, в русло восстановления хозяйства разрушенной страны. [...]

Крестьянин и без комиссаров поймет, что городу нужно дать хлеба, а рабочий, в свою очередь, будет стремиться дать крестьянину все необходимое от своего производства».

«Резолюция военнопленных

На общем собрании 14 марта военнопленных курсантов, комсостава и красноармейцев в количестве 240 чел., содержащихся в Сухопутном манеже, вынесена единогласно следующая резолюция:

«Нами, московскими и петроградскими курсантами, комсоставом и красноармейцами 8 сего марта был получен приказ идти в наступление на гор. Кронштадт. Нам сказали, что в гор. Кронштадте белогвардейцы подняли мятеж. Когда мы без выстрела подошли к берегу г. Кронштадта и, встретив передовые части матросов и рабочих, убедились, что в Кронштадте никакого белогвардейского мятежа нет а наоборот, матросы и рабочие свергли власть комиссародержавия. Тут же мы добровольно перешли на сторону кронштадтцев и теперь просим Ревком г. Кронштадта влить нас в красноармейские части, так как желаем встать защитниками рабочих и крестьян не только Кронштадта, но и всей России.

Считаем, что В. Р. К. гор. Кронштадта действительно встал на истинный путь в деле освобождения всех трудящихся и только с этим лозунгом: «Вся власть Советам, а не партиям», может довести начатое дело до конца».

«Мы, красноармейцы форта «Красноармеец», обращаемся к вам, товарищи форта «Краснофлотского», и сообщаем, что у нас в Кронштадте, а также на фортах и во Временном Революционном Комитете нет ни одного генерала, ни помещиков, о которых так много и шумно говорят прокламации, брошенные с аэроплана.

Мы вам говорим, что как был г. Кронштадт рабочий и крестьянский, так он и останется таким. А генералы состоят на службе у коммунистов. Вы говорите, что мы предались каким-то шпионам, то это наглая ложь: мы как были защитниками завоеванных Революцией свобод, так и остались такими.

Мы призываем вас не верить той лжи, о которой напевают вам бюрократы-коммунисты.

Если хотите в этом убедиться, пришлите к нам в Кронштадт вашу делегацию, которая и убедится, и узнает обо всем, что у нас здесь делается и какие у нас генералы и шпионы Антанты.

Команда форта «Красноармеец»

Пламенная любовь к *свободной* России и безграничная вера в «*подлинные Советы*» вдохновляла Кронштадт. До самого конца кронштадтцы надеялись, что их поддержит вся Россия, и прежде всего Петроград, и что тогда страна будет полностью освобождена.

«Мы, гарнизон форта «Тотлебен Морской», приветствуем вас, товарищи моряки, рабочие и красноармейцы г. Кронштадта, в великий трудный час нашей славной борьбы с ненавистным игом коммунистов. Мы все как один готовы умереть за освобождение страдающих братьев, крестьян и рабочих всей России, обманом и насилием закованных в цепи проклятого рабства. Охраняя здесь подступы Кронштадта, мы будем верны своему слову до конца. Ждем, что вскоре решительным натиском мы разобьем вдребезги кольцо врагов вокруг крепости и понесем свободу по всему лицу страдающей родины, настоящую правду и свободу».

Эта заметка появилась в *последнем номере* «Известий» восставших, 14-м от 16 марта 1921 г. Враг стоял у стен Кронштадта. Петроград и остальная Россия, задавленная мощными военными и полицейскими силами, не в силах была разорвать тиски. У героической горстки защитников крепости, осажденной многочисленными, слепо преданными правительству курсантами, не оставалось почти никакой надежды. На следующий день Кронштадту предстояло пасть. Но, вдохновленные великими идеалами, чистотой своих помыслов, пламенной верой в неизбежное освобождение, кронштадтцы продолжали надеяться и бороться вопреки всему.

Они не хотели вооруженной борьбы.

Они стремились разрешить конфликт мирно и по-товарищески: свободно переизбрать Советы; прийти к соглашению с коммунистами; действовать методами убеждения; освободить трудящиеся массы.

Им была навязана братоубийственная борьба. И когда начались трагические события, они приняли решение бороться до конца за свое благородное и справедливое дело.

В этой связи важно, какого рода помощь кронштадтцы считали возможным для себя принять.

Предложения о поддержке поступали с различных сторон, в частности, от правых эсеров. Но кронштадтцы отказались протянуть руку правым. Что же касается левых, восставшие готовы были принять их помощь лишь при условии, что она будет свободной, искренней, преданной, братской и неполитической. Они соглашались на дружеское сотрудничество, но не на давление или «диктат»[28].

В период с 3 по 16 марта, в разгар восстания вышли четырнадцать номеров «Известий» Временного Революционного Комитета[29].

Благородное, пылкое стремление восставших к новой, подлинно свободной жизни для Кронштадта и всей России, их надежды, их беззаветная преданность делу и твердая решимость защищаться «до последней капли крови» в навязанной им борьбе — все это нашло отражение в материалах газеты, где разъяснялись их позиции, формулировались цели, делались попытки раскрыть глаза заблуждающимся и ответить, как мы видели, на клевету коммунистов.

Обратимся к этим историческим страницам, почти неизвестным. Их должны читать и перечитывать трудящиеся всех стран. Эти документы заставят их задуматься и предостерегут от фундаментальной ошибки, которая погубила русскую Революцию в 1917 году и которая грозит грядущей революции в других странах: руководства политических партий; восстановления политической власти; формирования нового правительства; организации централизованного государства, прикрываемого лишенными реального смысла фразами вроде «диктатуры пролетариата», «пролетарского правительства», «рабоче-крестьянского государства» и пр. Эти документы, как и сама кронштадтская эпопея, доказывают *очевидное*: то, что отвечает нуждам *рабочих и крестьян*, не может быть *ни правительственным, ни государственным*, и наоборот.

В первом номере от 3 марта 1921 г., кроме нескольких заметок познавательного и административного характера, напечатаны Манифест «К населению крепости и города Кронштадта» и знаменитая «Резолюция», которые мы привели выше.

В № 2 от 4 марта, из которого мы цитировали некоторые заявления и московскую радиogramму, напечатан также следующий «Призыв»:

«К населению города Кронштадта

Граждане!

Кронштадт сейчас переживает момент напряженной борьбы за свободу. Каждую минуту можно ожидать наступления коммунистов с целью овладеть Кронштадтом и опять навязать нам свою власть, приведшую нас к голоду, холоду и разрухе.

Мы все до единого будем стойко защищать добытую нами свободу и не допустим овладеть Кронштадтом; если же они попытаются это сделать силой оружия, мы дадим достойный отпор.

Поэтому Временный Революционный Комитет предупреждает граждан не поддаваться панике и страху, если придется услышать стрельбу.

Только спокойствие и выдержка дадут нам победу.

Временный Революционный Комитет».

Мы уже процитировали все интересные материалы из № 3 от 5 марта, кроме информационных заметок. Приведем для примера только одну:

«В Кронштадте полный порядок. [...] Все учреждения работают нормально, и остановки в работе не было ни часу. Улицы оживлены. За все три дня не выпущено ни одного патрона».

Материалы из № 3 от 6 марта мы процитировали почти целиком, за исключением заметок административного и хозяйственного характера по поводу карточек, пайков и т. д., а также разного рода деклараций, содержание которых приблизительно одинаковое.

Однако мы считаем нужным привести полностью редакционную статью этого номера:

«Кронштадтские моряки и мозолистые руки рабочих вырвали руль из рук коммунистов и встали у штурвала.

Бодро и уверенно поведут они корабль Советской власти в Петроград, откуда власть мозолистых рук должна охватить исстрадавшуюся Россию.

Но будьте, товарищи, начеку.

Удесятерите вашу бдительность: путь, усеянный подводными камнями, ведет вас к фарватеру.

Один неосторожный поворот штурвала, и корабль с самым драгоценным для вас грузом — грузом социалистического строительства — может сесть на скалу.

Зорко охраняйте, товарищи, штурвальный мостик — к нему уже подбираются враги. Одна ваша оплошность, и они вырвут у вас штурвал, и Советский корабль может пойти ко дну под злорадный хохот царских лакеев и приспешников буржуазии.

Вы, товарищи, сейчас торжествуете бескровную и великую победу над диктатурой коммунистов, торжествуют вместе с вами и ваши враги.

Но мотивы радости у вас и у них — совершенно противоположны.

Вы воодушевлены горячим стремлением восстановить подлинную власть Советов и благородной надеждой предоставить рабочему свободный труд, крестьянину — право распоряжаться на своей земле и продуктами своего труда, а они — надеждой восстановить царские нагайки и генеральские привилегии.

Интересы ваши разные, стало быть, они вам не попутчики.

Вам нужно было свержение власти коммунистов для мирного строительства и созидательной работы, им это нужно для порабощения рабочих и крестьян.

Вы ищете свободы, они хотят накинуть на вас цепи рабства.

Будьте зорки. Не подпускайте близко к штурвальному мостику волков в овечьей шкуре».

Редакционная статья № 5 от 7 марта:

«Фельдмаршал Троцкий грозит восставшему против трехлетнего самодержавия коммунистических комиссаров Свободному Революционному Кронштадту.

Труженикам, сбросившим позорное ярмо диктатуры партии коммунистов, новоявленный Трепов грозит вооруженным разгромом, расстрелом мирного населения Кронштадта, отдает приказ «патронов не жалеть».

У него их хватит для революционных матросов, красноармейцев и рабочих.

Ведь ему, диктатору насилюемой коммунистами Советской России, все равно, что станет с трудовыми массами, лишь бы власть была в руках партии Р. К. П.

Он имеет наглость говорить от имени долготерпеливой Советской России, обещать милость.

Это он-то, кровожадный Троцкий, предводитель коммунистической опричнины, без сожаления льющей реки крови во имя самодержавия Р. К. П., гаситель свободного духа, смеет говорить так смело и твердо держащим красное знамя кронштадтцам.

Ценою крови тружеников и страданий их арестованных семей — коммунисты надеются восстановить свое самовластие, заставить красноармейцев, матросов и рабочих вновь подставить свою шею, чтобы коммунисты получше уселись и продолжали свою тлетворную политику, ввергшую всю трудовую Россию в бездну всеобщей разрухи, голода и холода. Довольно! Трудящихся больше не обмануть. Ваши надежды, коммунисты, тщетны и угрозы бессильны.

Девятый вал Революции Трудящихся поднялся и смывает гнусных клеветников и насильников с оскверненного их деятельностью лица Советской России, а милости вашей, господин Троцкий, нам не надо!»

В том же номере мы читаем:

«Мы не мстим.

Длительный гнет диктатуры коммунистов над трудящимися вызвал вполне естественное негодование масс. Результатом этого в некоторых местах применяется бойкот или удаление со службы к родственникам коммунистов. Этого не должно быть. Мы не мстим, а защищаем свои трудовые интересы. Надо действовать с выдержкой и удалять только тех, кто саботажем или ведением клеветнической агитации стремится мешать восстановлению власти и прав трудящихся».

Еще одна статья из того же номера:

«Мы и они.

Не зная, как удержать выпадающую из рук власть — коммунисты прибегают к самым гнусным провокационным приемам, а их подлые газеты мобилизовали все силы, чтобы разжечь народные массы и придать кронштадтскому движению значение белогвардейского движения. Теперь шайка «патентованных» негодяев бросила лозунг — «Кронштадт продан Финляндии»; их беззастенчивая печать уже брызжет ядовитой слюной, и после того, как не удалось убедить пролетариат, что в Кронштадте работают белогвардейцы, — они пытаются сыграть на чувствах национальных.

Весь мир уже знает из наших радио, за что борется кронштадтский гарнизон и рабочие, но коммунисты пытаются извратить смысл событий перед питерскими братьями.

Коммунистическая опричнина окружила питерцев тесным кольцом штыков курсантов и партийной «гвардии», и Малюта Скуратов[30] — Троцкий — не допускает в Кронштадт делегатов от беспартийных рабочих и красноармейцев из опасения, что они узнают всю правду, а эта правда в один миг сметет коммунистов, и прозревший трудовой народ возьмет власть в свои мозолистые руки.

Вот почему Петросовет не ответил на нашу радиотелеграмму с просьбой прислать в Кронштадт действительно беспартийных товарищей.

Опасаясь за свои шкуры, вожди коммунистов прячут правду и распускают слухи, что в Кронштадте орудут белогвардейцы, что кронштадтский пролетариат запродавался Финляндии и французским шпионам, что финны уже организовали армию, чтобы вместе с кронштадтскими мятежниками занять Петроград, и т. д.

На все это мы можем ответить только одно: вся власть Советам! Прочь руки от этой власти, руки, обогранные в крови погибших за дело свободы, за борьбу с белогвардейщиной, помещиками и буржуазией!»

Наконец, в том же номере опубликован подлинный «символ веры» кронштадтцев: их программа и завещание трудящимся, которые совершат грядущие революции. Стремления и надежды восставших изложены четко и ясно. Вот этот документ:

«За что мы боремся.

Совершая Октябрьскую революцию, рабочий класс надеялся достичь своего раскрепощения. В результате же создано еще большее порабощение личности человека.

Власть полицейско-жандармского монархизма перешла в руки захватчиков-коммунистов, которые трудящимся вместо свободы принесли ежеминутный страх попасть в застенок чрезвычайки, во много раз своими ужасами превзошедшей жандармское управление царского режима.

Штыки, пули и грубый окрик опричников из чека — вот что после многочисленной борьбы и страданий приобрел труженик Советской России. Славный герб трудового государства — серп и молот — коммунистическая власть на деле подменила штыком и решеткой ради сохранения спокойной, беспечальной жизни новой бюрократии, коммунистических

комиссаров и чиновников.

Но что гнуснее и преступнее всего, так это созданная коммунистами нравственная кабала: они положили руку и на внутренний мир трудящихся, принуждая их думать только по-своему.

Рабочих при помощи казенных профессиональных союзов прикрепили к станкам, сделав труд не радостью, а новым рабством. На протесты крестьян, выражающиеся в стихийных восстаниях, и рабочих, вынужденных самой обстановкой жизни к забастовкам, они отвечают массовыми расстрелами и кровожадностью, которой им не занимать стать от царских генералов.

Трудовая Россия, первая поднявшая красное знамя освобождения труда, сплошь залита кровью замученных во славу господства коммунистов. В этом море крови коммунисты топят все великие и светлые задачи и лозунги трудовой революции.

Все резче и резче вырисовывалось, а теперь стало очевидным, что Р. К. П. не является защитницей трудящихся, каковой она себя выставляла, ей чужды интересы трудового народа, и, добравшись до власти, она боится лишь потерять ее; а потому дозволены все средства: клевета, насилие, обман, убийство, месть семьям восставших.

Долготерпению трудящихся пришел конец.

Здесь и там заревом восстания озарилась страна в борьбе с гнетом и насилием. Вспыхивали стачки рабочих, но большевистские охранники не спали и принимали все меры для предупреждения и подавления неминуемой третьей революции.

Она все же пришла и совершается руками трудящихся. Генералы от коммунизма ясно видят, что это поднялся народ, убежденный в их измене идеям социализма. Но, дрожа за свою шкуру, зная, что от гнева тружеников им некуда спрятаться, они все же при помощи своих опричников пытаются запугать восставших тюрьмами, расстрелами и прочими зверствами. Но сама жизнь под игом диктатуры коммунистов стала страшнее смерти.

Восставший трудовой народ понял, что в борьбе с коммунистами, воздвигнутым им обновленным крепостным правом не может быть середины. Надо идти до конца. Они как будто делают уступки: в Петроградской губернии снимаются заградительные отряды, ассигнуются десять миллионов золотом на закупку продуктов за границей. Но не следует заблуждаться: за этой приманкой скрывается железная рука господина, диктатора, который хочет, выждав успокоения, сторицей возместить свои уступки.

Нет, середины не может быть. Победить или умереть!

Этому подает пример Красный Кронштадт, гроза контрреволюционеров справа и слева.

Здесь совершился новый великий революционный сдвиг. Здесь поднято знамя восстания для освобождения от трехлетнего насилия и гнета владычества коммунистов, затмившего собой трехсотлетнее иго монархизма.

Здесь, в Кронштадте, положен первый камень третьей революции, сбивающей последние оковы с трудовых масс и открывающей новый широкий путь для социалистического творчества.

Эта новая революция всколыхнет и трудовые массы Востока и Запада, являя пример нового социалистического построения, противопоставленного казенному коммунистическому «творчеству», убеждая воочию зарубежные трудовые массы, что все, творившееся у нас до сего времени волею рабочих и крестьян, не было социализмом.

Без единого выстрела, без капли крови совершен первый шаг. Трудящимся не нужна кровь. Они прольют ее только в момент самозащиты. У нас хватит выдержки, несмотря на все возмутительные действия коммунистов, чтобы ограничиться лишь изоляцией их от общественной жизни, дабы они злостной фальшивой агитацией не мешали революционной работе.

Рабочие и крестьяне неудержимо идут вперед, оставляя за собой и учредилку с ее буржуазным строем, и диктатуру коммунистов с ее чрезвычайками и государственным капитализмом, мертвой петлей охватившей шею трудовых масс и грозящей окончательно их задушить.

Настоящий переворот дает трудящимся возможность иметь, наконец, свои свободно избранные Советы, работающие без всякого насильственного партийного давления, пересоздать казенные профессиональные союзы в вольные объединения рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции. Наконец-то сломана полицейская палка коммунистического самодержавия».

Из № 7 от 9 марта мы приводим две небольшие статьи. Одна, полемическая, озаглавлена «Слушай, Троцкий!»

«Коммунисты в своих радио выливали ушаты грязи на вождей Третьей Революции, отстаивающих истинную власть Советов, а не бесчинства комиссаров.

Мы не скрывали этого от населения Кронштадта и целиком печатали в своих «Известиях» все их клеветнические выпады.

Нам нечего было бояться. Граждане знают, как произошел переворот и кем он сделан.

Рабочие и красноармейцы знают, что среди гарнизона нет ни царских генералов, ни белогвардейцев.

Со своей стороны и Врем. Рев. Комитет отправил в Петроград радио с требованием освободить из переполненных тюрем взятых коммунистами заложников — рабочих, матросов и их семьи, а также политических заключенных.

Во втором радио мы предложили выслать к нам в Кронштадт беспартийных делегатов, которые, видя на месте ход событий, могли бы открыть глаза питерскому трудовому населению.

Что же сделали коммунисты?

Они скрыли это радио от рабочих и красноармейцев.

Перешедшие на нашу сторону части войск фельдмаршала Троцкого привезли нам петроградские газеты, и в них ни слова о наших радио!

А давно ли эти шулера, привыкшие играть краплеными картами, кричали, что от народа не должно быть никаких тайн, даже дипломатических?

Слушай, Троцкий! Ты можешь, пока не ушел от народного суда, расстреливать невинных целыми пачками, но правды расстрелять нельзя!

Она выльется наружу, и тогда тебе и твоим опричникам придется дать ответ».

Другая статья, конструктивного характера, была напечатана с целью начать дискуссию на тему «Переустройство союзов»:

«При диктатуре коммунистов задачи профсоюзов и их правлений в частности сведены до минимума.

За четыре года революционно-профессионального движения в Социалистической России наши профсоюзы абсолютно не имели возможности быть чисто классовыми организациями. То явление произошло не по их вине, а лишь благодаря политике правящей партии, стремящейся к централизованному «коммунистическому» развитию масс. Поэтому работа профсоюзов сводилась лишь к одной, совершенно ненужной переписке по составлению сведений о числе членов того или иного производственного союза, специальности, партийности и т. д.

Относительно же хозяйственно-кооперативного строительства Республики и культурного развития рабочих профсоюзами ничего не предпринималось. Да это вполне понятно, т. к. если бы союзам было бы дано право широкой самостоятельности, то неминуемо должен был бы рушиться весь порядок централистического строительства коммунистов, а вместе с этим отпала бы надобность в комиссарах и политотделах.

Вот это-то явления, без сомнения, отшатнули рабочие массы от союзов, т. к. последние превратились в коммунистическое жандармское ядро, сковывающее трудовые классы.

С свержением же диктатуры Р. К. П. роль профсоюзов должна в корне измениться. Поэтому вновь переизбранные союзы и правления в профсоюзном движении должны выполнить великую боевую задачу по воспитанию масс в культурно-хозяйственном строительстве страны. Они должны влить в свою деятельность новую оздоравливающую струю, сделаться выразителем народных интересов.

Только тогда Советская Социалистическая республика может быть сильна, когда управление ею будет принадлежать трудящимся классам в лице обновленных профсоюзов.

Возьмемся же за дело, товарищи рабочие! Создадим новые, свободные от всяких давлений союзы — в них наша сила».

№ 8 от 10 марта посвящен в основном военным событиям: нападению коммунистов на Кронштадт и его обороне.

№ 9 от 11 марта публикует пламенный призыв «К товарищам рабочим и крестьянам», отрывки из которого мы приводим:

«Кронштадт начал героическую борьбу с ненавистной большевистской властью за освобождение рабочих и крестьян.

[...]

То, что сейчас происходит, подготовлено самими же коммунистами, их трехлетней кроваво-разрушительной работой. Письма из деревень полны жалоб и проклятий коммунистам. Наши товарищи, возвратясь из отпуска полные гнева и возмущения, поведали нам об ужасах, творимых большевиками по всему миру русской земли. Да, наконец, сами мы чувствовали, видели и слышали все, что делается кругом. Со всех концов доходил до нас великий и тяжкий вопль сел и городов несчастной России и заставил зажечься негодованием наши сердца и подняться наши руки.

Мы не желаем возврата к старому. Мы не слуги буржуазии и не наемники Антанты. Мы защитники власти всех трудящихся, а не разнузданной, тиранической власти одной какой-нибудь партии.

В Кронштадте не Колчак, не Деникин и не Юденич. В Кронштадте трудящийся люд.

Разум и совесть красных кронштадтских моряков, красноармейцев и рабочих нашли, наконец, тот путь, те слова, которые выведут нас из тупика и которых не могли найти царские генералы.

[...]

Вначале мы хотели уладить все мирным путем, но коммунисты не пожелали уступить.

Они больше Николая цепляются за власть и готовы утопить в крови всю Россию, лишь бы самодержавно властвовать.

И вот теперь кровожадный Троцкий, этот злой гений России, гонит на нас наших детей, а ваших братьев [sic], которые сотнями трупов покрывают лед у твердынь Кронштадта. Четыре уже дня кипит борьба, четыре дня гремят пушки, льется братская кровь. Четыре дня герои Кронштадта победоносно отбивают все натиски врагов.

Кронштадт стоит твердо. Все как один готовы скорее умереть, чем отступить.

Троцкий, как коршун, вьется над нашим геройским городом, но ему не взять его. Руки коротки.

Враги наши оперируют одними курсантами, боевыми отрядами коммунистов да обманутыми войсками, взятыми издалека и подгоняемыми сзади пулеметами.

[...]

Т. рабочие! Кронштадт борется за вас, голодных, холодных, раздетых.

Пока властвуют большевики, вам никогда не видать ничего лучшего. Три года вас кормят мерзлой картошкой, ржавой селедкой да обещаниями, а жить становится все хуже и хуже.

Но вы терпите все.

Скажите же, во имя чего? Ужели только для того, чтобы благоденствовали коммунисты и жирели комиссары?! Или вы все еще верите им?

Зиновьев в расширенном заседании Петросовета, сообщая о миллионах золота, отпущенного для закупки продовольствия, рассчитал, что на каждого рабочего придется по 50 рублей.

Если старый крепостник-помещик продавал своих рабов за тысячу ассигнаций, то Зиновьев хочет купить питерского рабочего за 50 рублей. Вот, товарищи, какая цена установлена на ваши головы большевистской биржей.

Но мы верим, что такими уловками наши враги привлекут к себе только несознательных и отсталых рабочих, а купить честных и смелых тружеников у них никакого золота не хватит.

[...]

Тов. Крестьяне! Вас больше всех обманула и обобрала большевистская власть. Где земля, которую вы отняли у помещиков, о которой мечтали целые сотни лет? Она отдана коммунарам или взята под советские хозяйства, а вы смотрите да обманываетесь. У вас отнято все, что только можно было взять. Вы отданы на поток и разграбление. Вы изнурены большевистской барщиной. С голодным желудком, с зажатым ртом, босых и раздетых, вас заставляют безропотно творить волю новых господ.

Тов., кронштадтцы подняли знамя восстания и уверены, что десятки миллионов рабочих и крестьян откликнутся на их призыв.

Не может быть, чтобы заря, которая занялась у нас, не стала ясным днем для всей России.

Не может быть, чтобы кронштадтский взрыв не заставил вздрогнуть и поднять всю Россию, и прежде всего Петроград.

Наши враги наполнили тюрьмы рабочими, но еще много смелых и честных на свободе.

Поднимайтесь, товарищи, на борьбу с самодержавием коммунистов!»

Приведем также отрывки из статьи, опубликованной в том же номере:

«Раскрылись глаза.

Временный Революционный Комитет и редакция «Известий» завалены заявлениями коммунистов о выходе из партии.

[...]

Что означает это бегство?

Боязнь мести со стороны трудового народа, вырвавшего власть у большевиков?

Нет. Тысячу раз нет.

Когда явившейся сегодня с заявлением о выходе из партии женщине-работнице заметили, что таких бегущих, как она — много, она с негодованием ответила:

— Глаза раскрылись, а не бежим.

Алая кровь трудящихся, окрасившая в угоду безумцам, отстаивающим свою власть, ледяной покров Финского залива, открыла глаза народу.

Все, у кого осталась хоть искра честности, хоть доля правды в измученном сердце — бегут. Бегут без оглядки из шайки демагогов.

Остается все уголовное и преступное.

Остаются комиссары всех рангов, чекисты и «верхи», отъевшиеся за счет голодающего рабочего и крестьянина, с оттопыренными от золота карманами, ограбившие музеи, дворцы — достояние, которое завоевал народ своей кровью.

Они еще на что-то надеются.

Но напрасно: народ, который в один миг сумел сбросить с себя гнет царизма и жандармов, — сумеет сбросить с себя и крепостнические цепи коммунистов.

Трудовой народ прозрел».

Наиболее интересные материалы из № 10 от 12 марта мы уже процитировали. Приведем, однако, отрывок из статьи, озаглавленной «Этапы революции»:

«Вырастало новое коммунистическое крепостничество. Крестьянин обращался в Советских хозяйствах в батрака, рабочий в наемника на казенной фабрике. Трудовая интеллигенция сводилась на нет. пытавшихся протестовать истязали в чрезвычайках. С продолжавшими беспокоиться поступали короче... ставили к стенке.

Стало душно. Сов. Россия превратилась в всероссийскую каторгу».

№ 11 от 13 марта посвящен в основном военным действиям. В нем опубликованы также заявления и призывы, подобные тем, что напечатаны в других номерах газеты.

А в № 12 от 14 марта мы обнаруживаем любопытную статью:

«С волками жить, по волчьи выть.

Можно было ожидать, что в великий момент борьбы трудящихся за свои права Ленин не будет лицемерить, скажет правду.

Как-то в мнении рабочих и крестьян разграничивалось понятие о Ленине, с одной стороны, и о Троцком и Зиновьеве, с другой.

Если не верили ни одному слову Зиновьева и Троцкого, то доверие к Ленину еще не было потеряно.

Но...

8-го марта открылся 10 съезд Р. К. П., и Ленин повторяет обычную ложь коммунистов о восстании Кронштадта. Он утверждает, что движение сил происходит под лозунгом свободы «свободной торговли», а потом добавляет: «Оно было за Советы, и лишь против диктатуры большевиков», — не забывая припутать «белых генералов и мелкобуржуазную анархическую стихию».

Мы видим, Ленин, говоря гадости, сам запутывается, проговаривается, что корнем-то движения была борьба за власть Советов и против диктатуры партии.

В растерянности он заявляет:

«Это контрреволюция иного порядка, она крайне опасна, как бы ни были на первый взгляд ничтожны их поправки к нашей политике».

И есть от чего испугаться. Удар революционных кронштадтцев силен, и главари зарвавшейся партии чувствуют, что их самодержавию пришел конец.

Безграничная растерянность Ленина так и сквозит во всей его речи о Кронштадте. Слова «опасный» и «опасность» повторяются неоднократно.

Он говорит:

«Чтобы кончить с этой мелкобуржуазной опасностью, необычайно опасной для нас, ибо она не объединяет пролетариат, а разделяет его, нам нужен максимум сплоченности».

Да, главе коммунистов приходится трепетать и призывать «к максимуму сплоченности», так как трещину дала не только диктатура коммунистов, но и сама партия.

Мог ли вообще Ленин сказать правду? Не так давно на дискуссионном собрании о профсоюзах он говорил: «Все это мне смертельно надоело, и я независимо от своей болезни рад бы все бросить и бежать куда угодно»[31].

Но бежать ему не дадут его единомышленники. Он находится у них в плену и должен клеветать так же, как и они. А с другой стороны, и сама политика партии такова, что проведению ее в жизнь препятствует Кронштадт, требующий не «свободной торговли», а подлинной власти Советов».

В том же номере опубликована суровая филиппика против Зиновьева:

«Напрасные надежды.

Петроградская «Правда» от 11-го марта печатает письмо Зиновьева к беспартийным товарищам.

Этот распоясавшийся хам выражает сожаление, что на петроградских заводах стало мало рабочих-коммунистов, и поэтому «коммунистам надо во что бы то ни стало вовлекать в советскую работу честных беспартийных рабочих и работниц».

Что коммунистов стало мало на заводах — это понятно: все бегут из партии предателей; понятно и то, что чекисты хотят всеми правдами и неправдами заткнуть глотку беспартийных рабочих привлечением их к сотрудничеству с ними.

«Давайте же, — пишет этот провокатор, — организованно приступим к систематическому вовлечению беспартийных в работу».

Но какой честный рабочий пойдет в эту шайку грабителей, комиссаров и чекистов?

Рабочие отлично понимают, что этим новоявленным жандармам необходимо всеми уступками заглушить их ропот, усыпить их бдительность, чтобы потом еще сильнее сдавить железными клещами.

Рабочие видят, как расправляют они с их беспартийными товарищами в Кронштадте.

«С Балтийским заводом, — плачется далее Зиновьев, — у нас было в последнее время крупное недоразумение. Но если Балтийский завод первым проведет намеченный план и покажет пример другим, то многие ошибки простятся ему».

Вот и проговорился провокатор.

Ведь еще на днях коммунисты уверяли в своем радио кронштадтских рабочих, что в Питере все благополучно и что Балтийский завод работает, а теперь вдруг «крупные недоразумения» и приглашение показать пример «другим заводам».

Стало быть, беспокойно и на других заводах.

Когда же обманывал Зиновьев — тогда или теперь?

Для того, чтобы расположить балтийцев в свою пользу, коммунисты обещают им все блага мира.

«Мы распределим рабочих на самые важные для данного момента работы: по продовольствию, по топливу, по контролю над советскими учреждениями и т. п.

Мы дадим возможность беспартийным рабочим через их представителей принять самое деятельное участие в закупке — за золото — продовольствия за границей для питерских рабочих, чтобы пробиться трудные месяцы.

Мы поставим на практическую ногу вопрос о борьбе с бюрократизмом в наших учреждениях.

Мы друг друга побраним, покритикуем, а все же в главном в основном столкнемся».

Вот как складно поет Зиновьев, усыпляя рабочих, отвлекая их внимание от оружейных выстрелов, направленных против их кронштадтских братьев.

Что же коммунисты молчали до сих пор? Отчего они не сделали это в течение их почти четырехлетнего царствования?

Очень просто, они не могли этого сделать раньше, не могут этого сделать и теперь.

Мы знаем цену их обещаний, и не только обещаний, но договоров (клочок бумажки).

Нет, рабочий не продаст своей свободы и крови своих братьев за все золото мира.

Пусть бросит Зиновьев эту пустую затею «столковываться».

Теперь, когда кронштадтские братья встали на защиту подлинной свободы — рабочие могут дать коммунистам только один ответ: уходите скорей от власти, провокаторы и палачи, пока еще есть возможность удрать, а не обманывайте самих себя напрасными надеждами».

Наконец, мы обнаруживаем в том же номере Призыв Временного Революционного Комитета, отрывок из которого приводим:

«Коммунистическая партия, захватившая власть, сулила вам все блага трудящихся масс. И что же мы видим?

Нам три года назад говорили: «Когда вы хотите, можете отозвать представителей, можете переизбрать Советы».

Когда же мы, кронштадтцы, потребовали переизбрания Советов, свободных от партийного давления, новоявленный Трепов — Троцкий — отдал приказ: «Патронов не жалеть».

Красноармейцы, вы видите, как дороги ваши жизни коммунистам. Вас с голыми руками посылают через залив брать твердыню Трудовой Революции — Красный Кронштадт. Брать неприступные форты и корабли, броню которых не пробивают двенадцатидюймовые снаряды.

Какое предательство!

Мы требовали присылки делегации петроградских тружеников, чтобы вы могли убедиться, какие у нас генералы, кто у нас распоряжается. Но ее нет. Коммунисты боятся, что делегация узнает и поведаст вам истину».

Приводим редакционную статью № 13 от 15 марта (предпоследнего номера «Известий» восставших):

«Торговый дом Ленин, Троцкий и Ко.

Славно поработал торговый дом Ленин, Троцкий и Ко.

В бездну нищеты и разорения завела Советскую Россию преступная самодержавная политика правительственной коммунистической партии.

Пора бы и на покой. Но, видно, мало еще тружениками пролито слез и крови.

В момент исторической борьбы, смело поднятой Революционным Кронштадтом за поруганные и попраные коммунистами права трудового народа, стая воронья слетелась на свой 10-й партийный съезд и договаривается о том, как хитрее и лучше продолжать свое каиново дело.

Их наглость дошла до совершенства. Об концессиях говорят совершенно спокойно. Привыкли.

Ленин так и заявляет:

«Мы стали развивать концессионное начало. Насколько это будет успешно, зависит не от нас, но добиваться этого мы должны», — а далее он признается, что большевики довели Советскую Россию до ручки: «Ибо восстановить страну без заграничной техники мы не сможем, для того, чтобы в какой-нибудь мере догнать в хозяйственном отношении другие страны. Обстоятельства вынудили нас закупить за границей не только машины, но и уголь, которого у нас много. Такие жертвы (утешает Ленин) нам придется делать еще и вперед в области приобретения средств широкого потребления и для крестьянских хозяйств».

Где же налаженное хозяйство, ради которого рабочий обращался в раба казенной фабрики, а трудовое крестьянство — в батраков Советских хозяйств?

Но этого мало. Ленин, говоря про сельское хозяйство, обещает еще больше «благ» при дальнейшем «хозяйничаньи», как выражается он сам, коммунистов:

«И если можно иногда восстановить крупное хозяйство и промышленность, то только путем возложения новых жертв на всякого производителя, ничего ему не давая».

Вот такое «блаженство» сулит глава большевиков всем, кто покорно будет продолжать нести ярмо комиссародержавия.

Прав был крестьянин, сказавший на восьмом съезде Советов: «Все обстоит очень хорошо, только... земля-то наша, да хлебушко ваш; вода-то наша, да рыба-то ваша; леса-то наши, до дрова-то ваши».

Но беспокоиться труженику не надо.

Ленин обещает «сделать целый ряд уступок мелкому хозяину, дать ему известные рамки свободного хозяйства».

Как старый «добрый» помещик, он собирается сделать ряд небольших уступочек, чтобы потом еще крепче зажать в клещи диктатуры партии, что ясно видно из фразы: «Конечно, без принуждения не обойдешься, ибо страна страшно обнищала и устала».

Ясно. С нищего можно снять и последнюю рубашку.

Задачу мирного строительства Ленин понимает «с концессиями наверху и с налогами внизу»».

В том же номере опубликован показательный ретроспективный обзор:

«Что дала коммуна.

«Товарищи, будем строить новую красивую жизнь», — говорили и писали коммунисты. «Весь мир насилья мы разрушим и построим социалистический светлый рай», — пели они народу.

Что же вышло?

Все лучшие дома и квартиры взяты под отделы и под подотделы, где просторно, удобно и тепло устроились их бюрократы. Число жилых квартир сократилось, а рабочие живут там же, где жили прежде, но только скученнее и хуже.

Дома приходят в старость, печи портятся; крыши ржавеют и вот-вот потекут; заборы валяются, водопроводные трубы наполовину испорчены, уборные не действуют; заливают нечистотами квартиры; граждане отправляют свои потребности по чужим дворам. Лестницы не освещены, грязны, дворы загажены, помойки и выгреба переполнены. Улицы грязны, тротуары не убраны, скользкие. Ходить опасно.

Чтобы получить квартиру, нужно иметь заручку в жилищном отделе, а иначе нечего об этом и думать. Только избранные имеют просторные и удобные квартиры.

Еще хуже обстоит дело с питанием. Безответственные и неумелые работники сгубили сотни тысяч продуктов. Картофель раздавали не иначе, как мороженный; мясо весной и летом тухлое. Раньше свиньям не давали того, что получали граждане от устроителей «райской» жизни.

Честная советская рыба (селедка) спасала положение, да и той в последнее время не стало.

Чтобы получить эти жалкие куски, нужно было простаивать часы во фронтах.

Советские лавки оказались хуже, чем недоброй памяти заводские, где хозяева-фабриканты сбывали всякий хлам и закабаленные рабочие не могли сказать ни слова.

Чтобы разрушить домашнюю жизнь, наши правители завели коммунальные столовые. Что же вышло?

Питание в них было еще хуже! Продукты расхищались, гражданам давались остатки. Несколько лучше обстояло дело с детским питанием. Но того, что выдавалось детям, было еще недостаточно, главное, не хватало молока. Коммунисты в свое время отобрали весь дойный скот от трудового населения на свою ферму. Половину загубили. Молоко поступило от уцелевших коров сначала управителям, служащим, а остатки детям.

Но всего хуже было с одеждой и обувью. Носили только то, что было запасено раньше. Если поступало что-нибудь в раздачу, то очень небольшое (сейчас, например, в одном из союзов выдают пуговицы, приходится по 1,5 пуговицы на человека. Не смешно ли?). Особенно плохо с обувью. Путь к раю хоть и короткий, а все же не дойдешь без подметок.

Впрочем, были каналы, по которым текло все, что нужно. Люди, близкие к КЕПО, и власть имущие имели все. Они имели свою столовую, особые пайки, к их услугам был ордерный стол, который раздавал блага по милости комиссаршей.

Но узнали то, что «коммуна» подорвала и в конец расстроженный производственный труд. Отпала всякая охота и интерес к работе. Сапожники, портные, водопроводчики и прочие, которые раньше работали кустарным способом, бросили все и пошли кто куда: в портовые охранники, в сторожа, в ряды отдельных работников и проч.

Таков тот рай, который взялись построить большевики.

Вместо прежнего режима установился новый режим произвола, грубости, «дружбы», свойства, воровства и спекуляции, ужасный режим, когда за каждым куском хлеба, за каждой пуговицей нужно протягивать руку к власти, когда себе не принадлежишь и распоряжаться собой никак не можешь. Режим рабства и унижения».

В 14-м, последнем номере от 16 марта 1921 года, посвященном главным образом перипетиям ожесточенной вооруженной борьбы и текущим делам, опубликована еще одна ретроспективная статья, дополняющая предыдущую:

«Социализм в кавычках.

Совершая октябрьский переворот, моряки, красноармейцы, рабочие и крестьяне проливали свою кровь за власть Советов, за создание Республики труда.

Коммунистическая партия хорошо учла настроение масс и, написав на свое знамени заманчивые лозунги, волновавшие тружеников, увлекла их за собой и обещала привести в светлое Царство Социализма, которое могут построить лишь одни большевики.

Естественно, безграничная радость объяла рабочих и крестьян. Наконец-то рабство под игом помещиков и капиталистов уйдет в область преданий, думали они. Казалось, настало время свободного труда над землей, на фабриках и заводах. Казалось, вся власть перешла в руки трудящихся.

Хитрой пропагандой вовлекались в ряды партии дети трудового народа и сажались там на цепь суровой дисциплины. Почувствовав силу, коммунисты постепенно устранили от власти сперва социалистов других направлений, а затем оттолкнули от кормила государственного корабля самих рабочих и крестьян, продолжая управлять в то же время страной их именем.

Уворованную власть коммунисты подменили комиссарским попечением и произволом над душой и телом граждан Советской России. Началось, вопреки рассудку и наперекор воле трудящихся, настойчивое строительство казенного социализма с его рабами вместо свободного царства труда.

Дав расхлябаться правительству под «рабочим контролем», большевики провели национализацию заводов и фабрик. Из раба капиталиста рабочий стал рабом казенных предприятий. Стало и этого мало. Собирались ввести потогонную систему труда — систему Тейлора.

Все трудовое крестьянство было объявлено врагом народа, сопричислено к кулакам. Предприимчивые коммунисты приступили к разорению и занялись насаждением Советских хозяйств, усадеб нового помещика — государства. Вот что при большевистском социализме получило крестьянство вместо свободного труда над освобожденной землицей.

Взамен почти начисто реквизированного хлеба, отобранных коров и лошадей — наезды чрезвычайек, расстрелы. Хороший товарообмен в трудовом государстве: вместо хлеба свинец и штык.

Жизнь гражданина стала донельзя скучной, казенной, жизнь по расписанию властей предержавших. Вместо свободного развития личности, свободной трудовой жизни возникло необычайное, невиданное рабство. Всякая свободная мысль, справедливая критика действий преступных правителей сделались преступлением, наказуемым заключением, а нередко и расстрелом.

В «социалистическом отечестве» начала процветать смертная казнь, это поругание человеческого достоинства. Вот оно — светлое царство социализма, в которое ввела нас диктатура коммунистической партии. Мы получили казенный социализм с Советами из чиновников, послушно голосующих по приказу комитета партии с непогрешимыми комиссарами.

Лозунг «не трудящийся да не ест» при новом «советском» порядке повернулся наизнанку: все для комиссаров, для рабочих же, крестьян и трудовой интеллигенции остался упорный беспросветный труд в тюремной обстановке.

Стало невыносимо, и Революционный Кронштадт первый сбил оковы и вышиб железные решетки тюрьмы, борясь за социализм иного рода, за трудовую Советскую Республику, где полновластным хозяином и распорядителем продуктов своего труда станет сам производитель».

В заключении отметим, что большинство номеров «Известий» выходило под шапкой лозунгов, в которых уточнялись требования и настроения восставших. Вот некоторые из них:

ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ, А НЕ ПАРТИЯМ!

ВЛАСТЬ СОВЕТОВ ОСВОБОДИТ ТРУЖЕНИКОВ ПОЛЕЙ ОТ ЯРМА КОММУНИСТОВ.

ЛЕНИН СКАЗАЛ: «КОММУНИЗМ — ЭТО СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ПЛЮС ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ». НО НАРОД ПОНЯЛ, ЧТО БОЛЬШЕВИСТСКИЙ КОММУНИЗМ — ЭТО САМОДЕРЖАВИЕ КОМИССАРОВ ПЛЮС РАССТРЕЛЫ.

ОПОРА ТРУДЯЩИХСЯ — СОВЕТЫ, А НЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КРАСНЫЙ КРОНШТАДТ! ВСЯ ВЛАСТЬ СВОБОДНЫМ СОВЕТАМ!

Глава V. Последний акт

Глава V Нам остается рассмотреть последний акт трагедии: атаку на Кронштадт, его героическую оборону и падение.

В № 5 «Известий» от 7 марта сообщаются подробности переговоров о посылке делегации из Петрограда в Кронштадт для ознакомления с ситуацией. Вот что мы читаем:

«Переговоры о посылке делегатов.

Временный Рев. Ком. получил из Петрограда следующую радиотелеграмму:

«Дайте радио в Петроград, можно ли прислать из Петрограда несколько человек из Совета: беспартийных и партийных, в Кронштадт узнать, в чем дело».

На это радио немедленно последовал следующий ответ Вр. Рев. Комитета:

Радиотелеграмма Петросовету.

«Получив радио Петросовета: «Можно ли прислать из Петрограда несколько человек из Совета: беспартийных и партийных, в Кронштадт узнать, в чем дело», — сообщаем: беспартийности ваших беспартийных не доверяем.

Предлагаем избрать от заводов, красноармейцев и матросов в присутствии наших делегатов представителей от беспартийных. Сверх избранных указанным порядком беспартийных можете прибавить к делегации до пятнадцати процентов коммунистов. Получение ответа, с указанием в нем срока высылки представителей Кронштадта в Петроград и представителей Петрограда в Кронштадт, желательно иметь шестого марта, в 18 часов. В случае невозможности дать ответ в указанный срок просим указать ваш срок и мотивы отсрочки.

Делегатам Кронштадта должны быть обеспечены средства передвижения.

Времен. Рев. Комитет»

Однако в Петрограде ходили упорные слухи, что правительство готовит военную операцию против Кронштадта. Но население не верило им: это казалось слишком чудовищным, невероятным.

Петроградские рабочие ничего не знали о происходящем в Кронштадте. Информацию давала только коммунистическая печать, и в ней говорилось лишь о «царском генерале Козловском, который организовал контрреволюционный мятеж в Кронштадте».

Население с тревогой ожидало сессии Петроградского Совета, которая должна была принять решение о дальнейших действиях.

Совет собрался 4 марта. На нем могли присутствовать лишь специально приглашенные члены, в основном коммунисты.

Вот как анархист Александр Беркман описывает это заседание, на котором смог побывать, в своем прекрасном исследовании, посвященном кронштадтскому восстанию (в этом исследовании он использовал те же источники, что и мы: «Известия» Временного Революционного Комитета, советские документы и проверенные свидетельства)[32]:

«Председатель Петроградского Совета Зиновьев объявил заседание открытым и произнес длинную речь о положении в Кронштадте.

Признаю, что отправился в Совет готовый, скорее, принять сторону Зиновьева: собрание было взволновано сведениями о попытке контрреволюционного мятежа в Кронштадте.

Но речи Зиновьева оказалось достаточно, чтобы убедить меня: коммунистические обвинения матросов оказались чистым вымыслом, совершенно неправдоподобным. Я не раз слышал выступления Зиновьева; он обладал даром убеждения, если только аудитория соглашалась с его первоначальными посылами. Но на этом собрании его поведение, аргументация, тон, манеры — все говорило о лживости и неискренности. Мне показалось, что он говорил, скрепя сердце.

Единственным «письменным свидетельством» против Кронштадта была его знаменитая резолюция от 1 марта. Требования кронштадцев выглядели справедливыми и даже умеренными. Именно этот документ и пылкая, почти истеричная филиппика Калинина против матросов предопределили роковое решение. Собрание одобрило резолюцию против Кронштадта, заранее подготовленную и предложенную Евдокимовым, правой рукой Зиновьева. Делегаты были перевозбуждены, их обуревало нетерпение и какая-то кровожадная жестокость. Принятие воинственного решения сопровождалось всеобщим шумом, в котором потонули протесты нескольких заводских делегатов и представителей матросов. Резолюция возлагала на Кронштадт вину в контрреволюционном мятеже и требовала его немедленной капитуляции.

Это было объявление войны.

Даже многие коммунисты отказывались верить, что такое решение будет выполнено. Им казалось чудовищным бросить войска против «гордости и славы Революции», как в свое время назвал кронштадтских матросов Троцкий. В узком кругу некоторые здравомыслящие коммунисты угрожали выйти из партии, если такой кровавый акт будет совершен».

На следующий день, 5 марта, Троцкий предъявил Кронштадту ультиматум. Он был сообщен населению города по радио и напечатан в № 5 «Известий» от 7 марта, рядом с распечаткой радиопереговоров об отправке делегации. Естественно, все переговоры были прерваны.

Вот текст ультиматума:

«Рабоче-крестьянское правительство постановило:

Вернуть незамедлительно Кронштадт и мятежные суда в распоряжение Советской Республики.

Посему приказываю:

Всем поднявшим руку против Социалистического Отечества немедленно сложить оружие.

Упорствующих обезоружить и передать в руки советских властей.

Арестованных комиссаров и других представителей власти немедленно освободить.

Только безусловно сдавшиеся могут рассчитывать на милость Советской Республики.

Одновременно мною отдается распоряжение подготовить все для разгрома мятежа и мятежников вооруженной рукой.

Ответственность за бедствия, которые при этом обрушатся на мирное население, ляжет целиком на головы белогвардейских мятежников.

Настоящее предупреждение является последним.

Председатель Революционного Военного Совета Республики *Троцкий*

Главком *С. Каменев*

Командарм 7А *Тухачевский*

Наштаресп *Лебедев*»

За этим ультиматумом последовал приказ Троцкого, в котором содержалось вошедшая в историю фраза: «Я перестреляю вас как куропаток»[33].

Несколько петроградских анархистов, еще остававшихся на свободе, предприняли последнее усилие отговорить большевиков от нападения на Кронштадт. Они считали своим долгом перед Революцией попытаться воспрепятствовать неминуемому уничтожению революционной элиты России — кронштадтских матросов и рабочих. 5 марта анархисты отправили протест в Комитет Обороны, подчеркнув в нем мирные намерения и справедливые требования кронштадцев, напомнив коммунистам их героическую революционную историю и предложив средство разрешения конфликта, достойное товарищей и революционеров.

Вот документ[34]:

«В Комитет Труда и Обороны Петрограда.

Председателю Зиновьеву.

Сейчас хранить молчание невозможно и даже преступно. Произошедшие недавно события вынуждают нас, как анархистов, высказаться откровенно и определить четкую линию поведения перед лицом сложившейся ситуации.

Недовольство и обеспокоенность рабочих и матросов являются результатом фактов, требующих самого серьезного внимания. Недовольство породили голод и холод; отсутствие малейшей возможности спорить и критиковать вынуждают матросов и рабочих формально выдвинуть свои требования.

Белогвардейские банды захотят и смогут использовать это недовольство в своих собственных классовых интересах. Прячась за спинами матросов, они требуют созыва Учредительного Собрания, свободной торговли и других подобного рода уступок.

Мы, анархисты, уже давно разоблачили лживую сущность таких требований и во всеуслышание заявляем, что будем бороться с оружием в руках против любых происков контрреволюции вместе со всеми друзьями Социальной Революции, на стороне большевиков.

В том же, что касается конфликта советского правительства с рабочими и матросами, наше мнение таково: конфликт этот следовало бы разрешить не силой оружия, а путем заключения товарищеского революционного соглашения. Кровавое пролитие со стороны советского правительства в нынешней ситуации не только не запугает и не успокоит рабочих, но и, напротив, послужит лишь углублению кризиса и сыграет на руку Антанте и контрреволюции.

И, что самое важное, использование силы рабоче-крестьянским правительством против рабочих и крестьян вызовет пагубный резонанс в международном революционном движении. Это нанесет неисчислимый ущерб Социальной Революции.

Товарищи большевики, задумайтесь, пока не поздно! Вам предстоит сделать решающий шаг.

Мы предлагаем вам следующее: избрать комиссию из пяти человек, включающую анархистов. Эта комиссия отправится в Кронштадт, чтобы разрешить конфликт мирными средствами. В сложившейся ситуации такой шаг является наиболее радикальным. Он будет иметь международное революционное значение.

Подписано: Александр Беркман, Эмма Гольдман, Перкус, Петровский».[35]

«Зиновьеву, — пишет А. Беркман, — сообщили, что этот документ передан в Комитет Обороны. Он распорядился отыскать его. Мне неизвестно, обсуждалось ли наше обращение в Комитете. Никакого решения на этот счет вынесено не было».

6 марта Троцкий завершил приготовления к атаке. В фортах Сестрорецк, Лисий Нос и Красная Горка, а также на укрепленных позициях по соседству были сосредоточены верные правительству дивизии, вызванные с различных фронтов, полки «курсантов», отряды ЧК и боевые единицы, состоявшие из коммунистов. На театр военных действий были приглашены

лучшие военные специалисты, призванные разработать план блокады и нападения на Кронштадт. Главнокомандующим этими войсками был назначен Тухачевский.

7 марта в 6-45 пополудни батареи Сестрорецка, Лисьего Носа и Красной Горки начали обстрел Кронштадта.

На город обрушилась лавина снарядов, бомб и высокомерных прокламаций, разбрасываемых с самолетов. Несколько раз «воронье гнездо», устроенное в Красной Горке — Троцкий, Тухачевский, Дыбенко и другие — отдавало приказ взять осажденную крепость. Но попытки штурма не приносили результатов. Храбрые защитники Кронштадта отражали самые массированные атаки. Бомбардировки не вызвали в городе паники. Напротив, они ожесточили население и укрепили его решимость сражаться до конца.

Изменение ситуации впервые нашло отражение в № 6 «Известий» от 8 марта. Он вышел под шапкой:

«Первый выстрел Троцкого это — сигнал бедствия коммунистов».

Затем Временный Революционный Комитет опубликовал свое «коммюнике»:

«В 6 ч. 45 м. вечера батареи коммунистов с Сестрорецка и Лисьего Носа первые открыли огонь по кронштадтским фортам.

Форты приняли вызов и быстро заставили батареи замолчать.

Вслед за тем открыла огонь Красная Горка, которая получила достойный ответ с линкора «Севастополь».

Редкая артиллерийская перестрелка продолжается.

У нас два красноармейца ранены и доставлены в госпиталь.

Нигде никаких повреждений нет.

Кронштадт, 7 марта 1921 г.

Первый выстрел.

Они начали обстрел Кронштадта. Ну что ж, мы готовы. Померимся силами.

Они спешат действовать. Да и приходится торопиться: трудящиеся России, несмотря на всю ложь коммунистов, понимают, какое великое дело освобождения от трехлетнего рабства творится в Революционном Кронштадте.

Палачи обеспокоены. Жертва их наглого изуверства, Советская Россия, ускользает из их застенка, а с ней из преступных рук окончательно ускользает владычество над трудовым народом.

Правительство коммунистов подает сигнал бедствия. Недельное существование Вольного Кронштадта — доказательство их бессилия.

Еще один момент, и достойный ответ наших славных революционных кораблей и фортов потопит корабль Советских пиратов, вынужденных принять бой с Революционным Кронштадтом, поднявшим стяг «Власть Советам, а не партиям»».

Затем следовал призыв:

«Пусть знает весь мир.

Временным Революционным Комитетом отправлено сегодня радио следующего содержания:

Всем... всем... всем...

Итак, грянул первый выстрел... Стоя по пояс в братской крови трудящихся, кровавый фельдмаршал Троцкий первым открыл огонь по Революционному Кронштадту, восставшему против владычества коммунистов для восстановления подлинной власти Советов.

Без единого выстрела, без капли крови мы, красноармейцы, матросы и рабочие Кронштадта, свергли владычество коммунистов и даже пощадили их жизнь. Под угрозой орудий они снова хотят навязать нам свою власть.

Не желая кровопролития, мы предложили прислать к нам беспартийных делегатов петроградского пролетариата, чтобы они увидели, что в Кронштадте идет борьба за власть Советов. Но коммунисты скрыли это от рабочих Петрограда и открыли огонь — обычный ответ мнимого рабоче-крестьянского правительства трудовому народу на его требования.

Пусть знает весь мир трудящихся, что мы, защитники власти Советов, стоим на страже завоеваний Социальной Революции.

Мы победим или погибнем под развалинами Кронштадта, борясь за правое дело трудового народа.

Трудящиеся всего мира нас рассудят, а кровь невинных падет на головы опьяненных властью изуверов-коммунистов.

Да здравствует власть Советов!

Временный Революционный Комитет Кронштадта»

Трогательная деталь: 8 марта в Советской России отмечался международный женский день. Осажденный и атакованный Кронштадт не забыл об этом. Под огнем многочисленных батарей матросы послали поздравительную радиogramму работницам всего мира. Вот это послание (опубликованное в том же номере газеты):

«Освобожденный Кронштадт — работницам мира.

(радио)

Сегодня всемирный праздник — день работниц. Мы, кронштадтцы, под гром орудий, под звуки рвущихся снарядов, посылаемых нам врагами трудового народа — коммунистами, шлем свой братский привет вам, работницы мира. Шлем привет от восставшего Красного Кронштадта, из царства свободы. Пусть наши враги пытаются разбить нас. Мы сильны, мы непобедимы.

Желаем вам скорее завоевать освобождение от всякого гнета и насилия.

Да здравствуют свободные революционные работницы!

Да здравствует Всемирная Социальная Революция!

Временный Революционный Комитет Кронштадта

8 марта 1921 г».

Наконец, тот же номер публикует заметку:

«Кронштадт спокоен.

Вчера, 7 марта, враги трудящихся — коммунисты открыли огонь по Кронштадту. Население встретило обстрел бодро. Рабочие дружины устремились к оружию. Ясно видно, что трудовое население Кронштадта живет одними интересами и стремлениями с избранным ими Временным Революционным Комитетом.

Несмотря на открытие боевых действий, Временный Революционный Комитет не нашел нужным даже объявить осадное положение. Кого ему бояться?! Не своих же красноармейцев, матросов, рабочих и трудовой интеллигенции.

Другое дело в Петрограде. Там ввиду объявленного ЧП разрешено ходить по городу лишь до 7 часов вечера. Конечно, насильникам приходится бояться своего трудового населения».

Первыми атаковали Кронштадт с севера и юга элитные коммунистические части в белых маскхалатах, сливавшихся со снегом, который покрывал скованный льдом Финский залив.

Эти первые попытки взять крепость ценой немыслимых человеческих жертв были ужасны. Матросы адресовали взволнованные послания своим обманутым братьям по оружию, которые считали Кронштадт контрреволюционным.

Обращаясь к красноармейцам, сражавшимся на стороне коммунистов, «Известия» в № 8 от 10 марта писали:

«Мы не хотели проливать братской крови и мы не дали ни одного выстрела, пока нас к тому не заставили.

Мы были вынуждены защищать правое дело трудового народа и стрелять.

Стрелять по своим же братьям, посылаемым на верную смерть отъевшимися за счет народа коммунистами.

А в это время их главари, Троцкий, Зиновьев и другие, сидя в теплых, освещенных комнатах на мягких креслах, в царских дворцах, обсуждали, как скорее и лучше залить кровью восставший Кронштадт. На горе ваше поднялась метель. Наступила непроглядная ночь, и тем не менее, не считаясь ни с чем, палачи-коммунисты погнали вас по льду, подгоняя сзади отрядами коммунистов с пулеметами.

Много вас в эту ночь погибло на огромном ледяном пространстве Финского залива, а на рассвете, когда утихла метель, к нам, еле передвигая ноги, добрались только жалкие остатки голодных и утомленных, одетых в белые саваны.

Уже рано утром набралось вас около тысячи, а днем без счета. Дорого заплатили вы своей кровью и страданиями за эту авантюру, а после вашей неудачи Троцкий покатиł обратно в Петроград, чтобы снова гнать на убой новых страдальцев, благо дешево достается ему наша рабоче-крестьянская кровь».

Кронштадт жил искренней верой, что петроградский пролетариат придет ему на помощь. Но рабочие бывшей столицы были затерроризированы, а Кронштадт осажден, изолирован, и помощи ему было ждать неоткуда.

Кронштадтский гарнизон насчитывал приблизительно 14 тысяч человек, из них 10 тысяч матросов. Им предстояло оборонять протяженный фронт и многочисленные форты и батареи, усеивающие залив. Непрекращающиеся атаки большевиков, регулярно получавших подкрепления, нехватка продовольствия, долгие холодные ночи должны были подорвать силы кронштадтцев. Но матросы проявляли героическое упорство, до последней минуты надеясь, что страна последует их благородному примеру.

Но борьба была слишком неравной.

Тем не менее большевистские солдаты сдавались тысячами; сотнями тонули в полыньях, так как лед начинал таять и трогаться; гибли под обстрелом. Несмотря на эти потери, атаки продолжались с прежней ожесточенностью — беспрерывно прибывали свежие подкрепления.

Что мог сделать один город против хлынувшей на него лавины? Он пытался выстоять. Он упорно надеялся на всеобщее восстание рабочих и красноармейцев Петрограда и Москвы, которое стало бы началом «Третьей Революции». И героически сражался днем и ночью по всему фронту, а кольцо с каждым днем все сжималось.

Восстание не начиналось, помощь не приходила; с каждым днем сопротивление Кронштадта слабело, и осаждающие продвигались вперед.

Впрочем, Кронштадт и не думал переходить в контратаку, слухи о том, что революционные матросы собираются бомбардировать Петроград, являлись гнусной большевистской клеветой. Крепость была построена с единственной целью защищать город с моря. Более того, если бы она попала в руки врага, расположенные в заливе батареи и форты Красной Горки должны были бы противостоять нападению на Кронштадт, а не на Петроград. Строители намеренно не укрепили *тыловую* часть Кронштадта. И именно с этой стороны город был атакован.

Здесь атаки большевиков возобновлялись каждую ночь.

Весь день *10 марта* артиллерия коммунистов бомбардировала остров.

В ночь с *12-го на 13-е* коммунисты предприняли атаку с юга, вновь одев белые «саваны». («11 марта стрельбе мешал густой туман», — сообщали «Известия».) В этой атаке погибли сотни курсантов.

В последующие дни борьба становилась все более неравной. Силы героических защитников крепости были подорваны усталостью и лишениями. Теперь бои шли непосредственно на подступах к городу. Сообщения о военных действиях, ежедневно публикуемые Революционным Комитетом, становились все трагичнее. Число жертв быстро росло.

Наконец *16 марта* большевики, чувствуя, что развязка близка, начали мощную атаку, которой предшествовала артиллерийская подготовка. Нужно было покончить с восставшими во что бы то ни стало. Каждый дополнительный час сопротивления, каждый пушечный выстрел из Кронштадта являлся вызовом коммунистам и мог в любой момент вызвать против них гнев миллионов людей. Они чувствовали себя все более предоставленными сами себе. Троцкому пришлось ввести в бой отряды китайцев и башкир. Следовало немедленно подавить Кронштадт, иначе мятежная крепость положила бы конец власти большевиков.

С самого утра крупнокалиберные пушки Красной Горки засыпали город снарядами, которые вызвали пожары и разрушения. Самолеты сбрасывали бомбы, одна из которых попала в госпиталь, несмотря на хорошо различимый на здании красный крест.

За этой бешеной бомбардировкой последовал штурм с севера, юга и востока.

План атаки, как позднее писал Дыбенко, бывший большевистский наркомфлота и будущий диктатор Кронштадта, был разработан в мельчайших деталях штабом Южной армии по указанию главнокомандующего Тухачевского. Атака началась в сумерках. «Белые маскхалаты и доблесть курсантов, — писал Дыбенко, — дали возможность передвигаться колоннами».

Тем не менее во многих местах после ожесточенного боя с использованием пулеметов враг был отброшен.

Тут и там в разгар сражения под стенами города матросы ловко маневрировали, бросались на самые опасные участки, отдавали приказы, призывали перейти в контратаку. Бесстрашие защитников граничило с фанатизмом. Никто не думал ни об опасности, ни о смерти.

«Товарищи! — слышалось время от времени. — быстрее вооружайте последние рабочие отряды! Пусть все, кто может держать оружие в руках, придут на подмогу!» И формировались новые отряды, спешно вооружались и отправлялись прямо в бой.

Женщины из народа выказывали удивительное мужество и активность; пренебрегая опасностью, они отправлялись далеко за город, неся с собой боевое снаряжение; под интенсивным огнем подбирали раненых с обеих сторон и переправляли их в госпиталь, организовывали медицинскую помощь.

К вечеру 16 марта исход боя еще не был ясен.

Тем не менее по улицам скакали конные милиционеры и призывали мирных жителей укрыться в безопасных местах.

Было взято несколько фортов.

Ночью оставшимся на свободе кронштадтским коммунистам удалось указать нападавшим самое слабое место Кронштадта — Петроградский порт.

К 7 часам утра 17 марта большевики захватили его и прорвались с боями в центр города, на знаменитую Якорную площадь.

Но матросы еще не считали себя побежденными: они продолжали сражаться «как львы», защищая каждый квартал, каждую улицу, каждый дом. Лишь ценой огромных жертв красноармейцам удалось закрепиться в некоторых районах. Члены Революционного Комитета перемещались с одного опасного участка на другой, организуя оборону. В типографии верстался 15-й номер «Известий», который так и не вышел в свет.

Весь день 17 марта шли уличные бои. Матросы знали, что отступить им некуда; они предпочитали гибель в бою казни в подвалах ЧК.

Началась жестокая резня, настоящая мясорубка. Многочисленные кронштадтские коммунисты, обязанные матросам жизнью, предали их, вооружились и атаковали с тыла. В подавлении восстания участвовали комиссар Балтийского флота Кузьмин и председатель Кронштадтского Совета Васильев, **освобожденные коммунистами из тюрьмы.**

Отчаянная борьба кронштадтских матросов и красноармейцев продолжалась до поздней ночи. Город, которые за две недели борьбы не причинил коммунистам никакого зла, стал ареной расстрелов, массовых казней и убийств.

Несколько уцелевших отрядов отступили в Финляндию. Остальные сражались до последнего)[36].

Ранним утром 18 марта в некоторых кварталах еще продолжался бой — или, точнее, охота на выживших.

Два плана революционерам исполнить не удалось.

Во-первых, матросы решили в последний момент взорвать два больших военных корабля, первыми поднявшие знамя «Третьей Революции» — «Петропавловск» и «Севастополь». План сорвался из-за того, что электропровода оказались перерезаны.

Во-вторых, почти все жители Кронштадта собирались покинуть город и оставить его большевикам «мертвым и пустым». Этому помешало отсутствие транспорта.

Назначенному комиссаром Кронштадта Дыбенко были даны полномочия «очистить мятежный город». Началась вакханалия убийств. Несть числа жертвам ЧК, расстрелянным в дни, последовавшие за падением крепости.

18 марта большевистское правительство и коммунистическая партия организовали торжества в честь годовщины Парижской Коммуны 1871 года, потопленной Галифе и Тьером в крови рабочих. Одновременно они отмечали и победу над Кронштадтом! В истории останется прозвище Троцкого «Кронштадтский Галифе».

В последующие недели сотни кронштадцев заполнили петроградские тюрьмы. Каждую ночь небольшие группы заключенных по приказу ЧК вывозили за город и расстреливали[37]. Так погиб Перепелкин, член кронштадтского ВРК. Другой член Комитета, Вершинин, был предательски арестован большевиками в самом начале восстания. Вот как рассказывали об этом «Известия» в № 7 от 9 марта в статье «Злоупотребление белым флагом»:

«Вчера, 8 марта, из Ораниенбаума вышли красноармейцы с белым флагом по направлению к Кронштадту. Видя идущих парламентаров, от нас верхом выехали им навстречу двое наших товарищей, предварительно сняв с себя оружие.

Один из них подъехал вплотную к группе противника, а второй остался на некотором расстоянии.

Едва нашим парламентаром было сказано несколько слов, как коммунисты набросились на него, стащили с лошади и увели с собою. Второй же товарищ **успел уехать обратно в Кронштадт**».

Этим похищенным кронштадтским парламентаром и был Вершинин. Разумеется, больше о нем не слышали.

Судьба других членов ВРК нам неизвестна[38].

Кронштадтцы, восставшие против большевистского самодержавия во имя «подлинных свободных Советов», долгие годы влачили жалкое существование в тюрьмах, концлагерях за Полярным кругом, в районе Архангельска, в отдаленных пустынях Туркестана и медленно умирали. Сейчас, должно быть, никого из них не осталось в живых.

Некоторое время спустя большевистское правительство объявило об амнистии всем участникам восстания, которым удалось избежать репрессий, скрывшись внутри страны или за границей, если они добровольно сдадутся властям.

Те, кому достало наивности поверить в эту «амнистию» и сдаться, были немедленно арестованы и разделили участь своих товарищей по оружию[39].

Эта подлая ловушка составляет одну из самых отвратительных страниц подлинной истории большевизма.

Ленин ничего не понял — или, скорее, не хотел ничего понять — в кронштадтском движении.

Главное для него и его партии было *удержаться у власти любой ценой*.

Победа над восставшими на время успокоила его. Но он боялся. Особенно за будущее. Он признавал, что пушки Кронштадта вынудили партию «задуматься» и пересмотреть свои позиции.

Пересмотрела ли их она в духе того, что предлагали восставшие? Ответ однозначен — нет.

Смысл их требований заключался в необходимости для партии отказаться от принципа диктатуры; в необходимости свободы слова и действий для трудового населения; в необходимости свободных выборов в Советы во всей стране.

Большевики прекрасно понимали, что малейшая уступка в этом направлении поставит их власть под удар. А их цель заключалась в сохранении всей полноты своей власти.

Будучи марксистами, авторитаристами и государственниками, большевики не могли допустить свободу и независимость народных масс. Они им не доверяли, более того, были убеждены, что падение *диктатуры их партии* означало бы крах всего дела и *угрозу Революции*, с которой они себя отождествляли. И наоборот: большевики считали, что сохраняя свою диктатуру — «командные рычаги», — они могут произвести «стратегическое отступление» вплоть до временного отказа от прежней экономической политики, не затрагивая при этом конечной цели Революции. В худшем случае, полагали они, реализация этих целей будет лишь отложена.

Все их «размышления» сводились лишь к одному: «Каким образом сохранить наше полное господство?»

Пойти на временные уступки в экономической сфере; отступить где угодно, лишь бы это не касалось «власти» — таково было их первоначальное решение. Все, что они «поняли» — это то, что народу надо бросить кость и умерить тем самым его недовольство; нужно в чем-то облегчить его жизнь, хотя бы внешне.

Второй их заботой было определить, до какого момента «отступить».

В итоге они составили «список» предполагаемых уступок. Ирония истории заключалась в том, что Ленину и его партии пришлось осуществить экономическую «программу», которую они клеветнически приписывали кронштадтцам и за что их якобы подавили, пролив столько крови.

Ленин провозгласил «новую экономическую политику» — знаменитый нэп.

Населению предоставили некоторые «экономические свободы»: например, в определенных рамках разрешались частные торговля и производство.

Таким образом был совершенно извращен смысл «свободы», которой добивались кронштадтцы. Вместо свободной творческой и созидательной деятельности *трудящихся масс*, которая ускорила бы путь к их полному освобождению (как требовал Кронштадт), была предоставлена «свобода» *отдельным личностям торговать и обогащаться*. Тогда и возник новый тип советского нувориша — «нэпман».

Российские и зарубежные коммунисты объясняли нэп необходимостью произвести «стратегическое отступление», которое позволило бы диктатуре партии «передохнуть» и упрочить свои позиции, поколебленные мартовскими событиями, — своего рода «передышку в экономике», подобную Брестской «передышке в войне».

Действительно, нэп был всего лишь «остановкой» — не для того, чтобы затем пойти *вперед*, а, напротив, чтобы вернуться *в исходную точку*, к той же суровой диктатуре партии, тотальному огосударствлению, эксплуатации трудящихся масс новым государственным капитализмом.

Отступили, чтобы кратчайшим путем прийти к *тоталитарному капиталистическому государству* и обезопасить себя от повторения «Кронштадта».

За период отступления нарождающееся капиталистическое государство отгородилось от этой угрозы своего рода «линией Мажино». Оно использовало годы нэпа для всестороннего упрочения своих позиций; для создания политического, административного, бюрократического, полицейского: необуржуазного «аппарата» — для того, чтобы *окончательно* подчинить всю жизнь народа своей «железной руке» и превратить страну в «тоталитарную» казарму и тюрьму.

В этом и состоял смысл стратегического отступления. Вскоре после смерти Ленина (в 1924 году) и прихода к власти — в результате внутрипартийной борьбы — Сталина нэп был отменен, «нэпманы» арестованы, а государство, отныне вооруженное, укрепленное, бюрократизированное и капиталистическое, при поддержке «аппарата» и мощного привилегированного социального слоя решительно и бесповоротно установило свое полное господство.

Но не вызывает сомнения, что все эти перипетии не имели ничего общего ни с Социальной Революцией, ни со стремлениями трудящихся масс, ни с подлинным освобождением последних.

Большевистское правительство не ограничилось введением нэпа внутри страны. Ирония истории заключалась в том, что большевики, лживо обвинявшие кронштадтцев в «служении Антанте» и «заключении мира с капиталистами», реализовывали это на деле.

В соответствии с директивами Ленина они вступили на путь уступок и переговоров с иностранными капиталистами. В дни, когда большевики расстреливали кронштадтских матросов и горы трупов покрывали лед Финского залива, было заключено несколько важных договоров с капиталистами различных стран в интересах высших финансовых кругов стран Антанты и польских империалистов.

Большевики подписали англо-российское торговое соглашение, которое открывало двери страны британскому капиталу. Заключили Рижский мир, согласно которому 12 миллионов человек были «отданы на съедение» реакционной Польше. Помогали молодому турецкому империализму подавлять революционное движение на Кавказе. И готовы были вступить в деловые отношения с буржуазией любой страны, лишь бы она их поддержала.

В одной из наших статей мы писали: «Удушив Революцию, власть (коммунистов) вынуждена обратиться за помощью и поддержкой к реакционным и буржуазным элементам... Чувствуя, что почва уходит из-под ног, все более отдаляясь от масс, порвав последние связи с Революцией и сформировав целую касту привилегированных, больших и маленьких диктаторов, слуг, льстецов, карьеристов и паразитов, но *бессильная создать чтобы то ни было подлинно революционное и позитивное*; отвергнув и подавив новые силы, власть вынуждена в целях собственного упрочения обратиться к *силам прошлого*. К их помощи она прибегает все чаще и охотнее. С ними ищет соглашения, союза и объединения. Им сдает позиции, не имея иной возможности выжить. Потеряв дружбу масс, ищет друзей в других местах. Думает, что помощь новых друзей поможет ей продержаться. Она рассчитывает предать их, когда это окажется выгодным. А тем временем с каждым днем все глубже увязает в контрреволюции».

Кронштадт пал. Государственный социализм (капитализм) на этот раз восторжествовал. Он торжествует до сих пор.

Но неумолимая логика событий ведет его к неминуемому краху.

Само его торжество несет в себе зародыши конца. Оно постепенно раскрывает подлинный характер коммунистической диктатуры. Все больше «коммунисты», увлекаемые силой вещей, демонстрируют, что готовы пожертвовать целью, отказаться от всех своих принципов, вступить в соглашение с кем угодно *ради сохранения своего господства и привилегий*.

Кронштадт был *первой совершенно независимой попыткой народных масс* освободиться от ярма и осуществить Социальную Революцию, решительно и смело предпринятой *самими* трудящимися без «политических вождей» и наставников.

Это был первый шаг к Третьей Социальной Революции.

Кронштадт пал.

Но он выполнил свой долг, и это главное.

В сложном и запутанном лабиринте дорог, открывающихся перед народными массами в революции, Кронштадт остается ярким маяком, освещающим истинный путь.

Не столь важно, что в сложившихся обстоятельствах восставшие говорили о *власти* (Советов), вместо того, чтобы навсегда избавиться от самой идеи «власти», заменив ее *координацией, организацией, управлением*. Тем самым они отдали последнюю дань прошлому. *Завоевав полную свободу дискуссии, организации и деятельности, встав на истинный путь независимой активности, народные массы обязательно последовали бы по нему до конца.*

И не важно, что туман еще густ и мешает видеть путь, освещенный маяком! Зажженный свет не угаснет! И настанет день — быть может, он не далек — когда свет этот увидят миллионы людей.

Маяк Кронштадта зажжен. Он светит все сильнее. И это главное!

Примечания

19. Аресты членов партии большевиков начались по приказу Кронштадтского ревкома со 2 марта 1921 г. По данным Комиссии по рассмотрению дел заключенных в тюрьмах (созданной повстанцами), на 14 марта 1921 г. под арестом содержалось 435 человек, среди которых подавляющее большинство составляли большевики (имелось также несколько уголовников-заключенных). В это число не вошли коммунисты, содержащиеся под арестом не в тюрьмах, а на линкорах и в воинских частях. Характерно, что ни один из арестованных не был расстрелян повстанцами. Во время штурма Кронштадта советскими войсками заключенные подняли бунт и освободились, убив коменданта тюрьмы анархиста С. Шустова.

20. «Временное бюро Кронштадтской организации РКП(б)» образовалось 3 марта 1921 г. по инициативе комиссара продовольствия г. Кронштадт Я. И. Ильина, председателя Совета профсоюзов А. С. Кабанова и председателя Союза металлистов Ф. Х. Первушина. Бюро издало воззвание-обращение к коммунистам с призывом оставаться на своих местах и выполнять распоряжения Ревкома. Однако, создавая «Временное бюро», его инициаторы имели целью «выгадать время для проведения в жизнь плана конспиративной работы» против повстанцев и добиться освобождения арестованных коммунистов, — именно этим они объясняли свои действия как заключенным товарищам по партии, так и позже чекистским следователям. Этим планам не было суждено сбыться: 5 марта члены «Временного бюро» были арестованы Ревкомом.

После подавления Кронштадтского восстания члены «Временного бюро» были вновь арестованы, — теперь уже ЧК, — по обвинению в публикации «преступного», «соглашательского воззвания... парализовавшего всю подпольную работу»; в частности, именно на них была возложена ответственность за выход из РКП(б) в дни восстания около 800–900 коммунистов. 24 марта Ильин, Кабанов, Первушин и еще три ответственных советских работника были приговорены к расстрелу, а восемь коммунистов — к пяти годам условно.

21. С предложениями о помощи восставшему Кронштадту (людьми, оружием, продовольствием и т. п.) обращались лидеры ПСР В. Чернов и И. Брушвит, представитель белогвардейской организации Гельсингфорса П. Вилькен, — ставя условием такой помощи признание лозунга Учредительного Собрания. Ревком в заседании 12 марта отклонил эти предложения как несовместимые с целями восставших.

22. «Известия Кронштадтского Временного революционного комитета» — газета, издававшаяся с 3 по 16 марта 1921 г. Вышло 14 номеров. Редактор — А. Ламанов (член Союза с.-р. — максималистов, бывший председатель Кронштадтского Совета в 1917 г.).